БОРЬБА ЗА КАВКАЗ. НАЧАЛО КОНФЛИКТА

Twitter VK Odnoklassniki Blogger LiveJournal Email Print Share

11.12.2020

Россия

Максим Васильев

В статье раскрываются различные аспекты геополитического противостояния Российской империи и ведущих европейских держав в борьбе за Кавказ. Автор показывает как Великобритания, Турция и Франция стремились взять под свой контроль этот горный район в XIX веке, какие механизмы и уловки использовали наши конкуренты на Кавказе и как горцы становились заложниками большой геополитической игры. На конкретных исторических примерах показана технология «управляемого хаоса», которую использовал Запад для сдерживания и противодействия России. Статья продолжает цикл исследований автора по изучению технологий политической дестабилизации общества.

Сложный и многогранный вооруженный конфликт на Северном Кавказе XIX века всегда был в поле зрения исследователей. Он привлекал к себе внимание писателей, историков, этнографов и обществоведов. Начиная еще с царских времен и до нашего времени, затянувшийся почти на сто лет конфликт, имеет множество различных трактовок и подходов к изучению его причин, форм и проявлений. Здесь мы можем встретить мнения исследователей от

цивилизаторской роли России в регионе и умиротворении диких варваров, до национально-освободительной борьбы горцев с царизмом, где последние выступают в роли выразителей интересов широких трудящихся масс. Советская и современна историография кардинально меняла свои подходы в 1920-е, 1930-е, 1980-е и 1990-е годы[i]. Смена политического строя и идеологических позиций в России в XX веке неоднократно корректировала подходы к пониманию Кавказкой войны, что существенно мешает ее объективному и беспристрастному анализу. Изучая работы, посвященные событиям кавказского конфликта, устойчиво просматривается любопытная тенденция. Так, если советские историки, в рамках демонстрации дружбы и братства советских народов, а современные исследователи в угоду текущей политической конъюнктуры, стремятся в большей или меньшей степени переложить основной груз ответственности на Русский мир, объясняя причины вооруженных восстаний непониманием культуры Кавказа, грубыми и жестокими мерами генерала А.П. Ермолова, перегибами царизма, тем самым на подсознательном уровне вызывая у читателя чувство вины, то западная трактовка событий остается устойчивой и неизменной на протяжении веков. И ведущую роль в изучении событий Кавказской войны следует отвести британским исследователям, которые еще со времен XIX века, то есть по ходу самого конфликта сформулировали основные идейные принципы освещения данного события. Все последующие исследователи на Западе лишь дополняли картину событий новыми фактами, материалами и цитатами, не изменяя основному принципу. Так действия Российской империи были объявлены «захватнической колониальной политикой», а кавказские горцы провозглашались естественным щитом (барьером) на пути русской колониальной экспансии[ii]. Причем многие материалы были основаны на непроверенных данных путешественников и публицистике капитанов английских кораблей, осаждавших Севастополь в годы Крымской войны, а современные исследования устойчиво игнорируют материалы российских архивов[iii]. Несмотря на то, что ведущая колониальная держава в мире обвиняла Россию в колониализме и «угнетении кавказских народов», что по своему смыслу было абсурдным тезисом, именно он стал доминировать в зарубежной историографии. Те же самые русофобские идеи были озвучены и в работе Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма», взятые в дальнейшем на вооружение русскими марксистами. В настоящее время сторонники этой традиции группируются в «Обществе исследований Центральной Азии» и издаваемом им в Лондоне журнале «Central Asian Survey», который позиционирует себя как «единственный авторитетный в мире междисциплинарный журнал, посвященный истории, политике,

культуре, религиям и экономике стран Центральной Азии и Кавказа»[iv]. Такое устойчивое на протяжении почти двух сотен лет восприятие истории Западом, достойно самого пристального нашего внимания и извлечения соответствующих уроков. Восприятие ключевых исторических событий собственной истории и истории своих конкурентов должно быть неизменным. Историческая память для нации является мощным консолидирующим механизмом, и менять позиции каждые десять-двадцать лет, подстраиваясь под новые веяния времени крайне опасно, еще опаснее самим формировать чувство собственной исторической вины и комплекса национальной неполноценности. За нас это и так успешно делают наши «западные партнеры» много столетий подряд.

> *Основные причины конфликта на Северном Кавказе подавляющее число исследователей видят в стремлении русских властей прекратить постоянные набеги горских народов и необходимости территориального присоединения этих земель к Российской империи для окончательного объединения с Закавказьем. В целом данная трактовка справедлива, но неполноценна, так как у большинства исследователей отсутствует глубокое понимание процессов большой геополитической игры и противостояния ведущих держав во всех точках мира одновременно.*

Главная ошибка, которую допускают при изучении Кавказской войны, заключается в том, что исследователи зачастую ограничиваются изучением сугубо региональных событий. Рассматриваются помимо горцев Кавказа и народов Закавказья лишь ближайшие соседи Российской империи – Турция и Персия. Такое региональное понимание проблемы приводит к ошибочным причинно-следственным связям и выводам. Для понимания сложности и многогранности Кавказской войны, необходимо рассматривать события XIX века, встраивая их в единую глобальную схему развития событий на межпредметном уровне.

Истоки Кавказской войны следует искать задолго до её начала в изменившемся балансе сил на международной карте мира. Победоносные русско-турецкие войны эпохи Екатерины II, присоединение Крыма и выход России к Черному морю показали, что удержать этот регион возможно только при наличии контроля над Кавказом и Закавказьем. Эти горные территории всегда имели стратегическое значение для всех держав, имеющих интересы в данном регионе. Для усиления русского присутствия и охраны границ усиливалось Терское и создавалось Кубанское казачество. Со второй половины XVIII века началось усиление России на Северном Кавказе. Более того, ряд территорий Закавказья, в первую очередь в лице грузинских

царьков добровольно просились под широкую руку русских монархов. Важно понимать, что Кавказ вошел в состав России намного раньше начавшегося военного конфликта и, что особенно значимо, в основном с добровольного согласия самих горцев. Неоспоримым фактом истории являются посольства от кабардинцев, адыгов, осетин, аварцев и других представителей Северного Кавказа с просьбой принять их в состав России и защитить от набегов Крымчаков. Однако следует признать, что к началу XIX века Россия слабо контролировала эти территории и особого влияния на местных жителей не имела. Это было связано с рядом причин. Перед русскими монархами стояли иные, более актуальные задачи внешней политики, в территориях Кавказа Россия не видела экономической выгоды. Более того, до поры до времени русские правители не желали обострять отношения со своими южными соседями Турцией и Персией, так как эти страны также воспринимали территорию Кавказа в качестве зоны своих геополитических интересов. В такой ситуации поддержка одного из кавказских племен со стороны России моментально вызвало бы резкий реверанс других кланов в сторону наших конкурентов. Это было связано с тем, что сам Северный Кавказ представлял собой бурлящий котел с непрекращающимися междоусобными войнами между различными кланами горских народов. И желание одной группировки вступить в русское подданство, было сопряжено с таким же устойчивым нежеланием вступления в состав России другого противоборствующего клана. Россия до поры до времени старалась не вмешиваться в эти дрязги и максимально дистанцировалась от них, признавая общий вассалитет народов Дагестана совместно с Персией. А Черкесия до 1829 года номинально принадлежала Турции, хотя адыгские племена и народности фактически не подчинялись султану и были в достаточной степени независимыми. Однако изменение политической карты мира и баланса сил в начале XIX века существенно изменили ситуацию и заставили пересмотреть позиции России относительно Кавказа.

Бухарестский мирный договор 1812 года с Турцией и цикл дипломатических переговоров на Венском конгрессе продемонстрировали миру существенное усиление позиций России. С 1815 года в состав Российской империи входила Польша, за Россией признавались ранее полученные территории Бессарабии и Финляндии. Русский император создавал Священный союз – механизм поддержания монархического порядка и стабильности в Европе, наше влияние неуклонно распространялось на Балканском полуострове. Россия находилась на пике своей военно-политической мощи и успеха. И, бесспорно, такое усиление России не устраивало наших западных конкурентов, более того, угрожало их территориальным интересам. Уже с начала XIX века Англия

увидела в усилении России на Кавказе серьезную угрозу своим владениям в Индии, полагая, что после подчинения Кавказа, русские войска непременно двинутся вглубь Средней Азии и на Афганистан. Следует отдать должное британским аналитикам, которые более чем на полстолетия смогли правильно спрогнозировать развитие событий и просчитать риски для своей страны. Россия действительно сумеет во второй половине XIX века покорить Среднюю Азию, взять под свой контроль эти территории, опередив англичан и выйти к афганским границам[v]. Начиналась Большая игра великих держав за передел мира на зоны влияния.

> *Имея множество противоречий и взаимных претензий друг к другу, коллективный Запад практически всегда был един относительно России. Европейские державы были единодушно заинтересованы в ослаблении нашей страны.*

Однако силовое воздействие против Российской империи было опасно для Запада, горький урок Наполеона пошел на пользу всем европейским державам. Поэтому стали использоваться новые, более изощренные схемы борьбы, направленной на ослабление России изнутри. Ставка была сделана на создание комплекса внутренних проблем в Российской империи, которые синхронно будут проявляться в разных точках страны и четко совпадать по времени с внешними военными конфликтами или активным дипломатическим давлением со стороны ряда ведущих держав. История много раз демонстрирует, что создание точек «управляемого хаоса» для своего геополитического противника позволяет без особых затрат и рисков для организатора оттягивать существенные силы и ресурсы противника, отвлекать его внимание от решения других актуальных проблем, а при наилучшем исходе спланированной операции – диктовать ему свою волю. Элементы гибридной войны против России стали зарождаться и оттачиваться именно в XIX веке, несмотря на то, что сам термин появится только в XXI столетии. Именно поэтому изучать Кавказскую войну в отрыве от остальных событий русской, а зачастую и мировой истории, ошибочно и непродуктивно.

С 1816 года когда ситуация в Европе стабилизировалась и Россия могла спокойно заняться своими кавказскими делами, в глубине страны началось формирование «Союза спасения» – первого тайного офицерского общества, ставящего своей задачей осуществление государственного переворота[vi]. Это первое интересное совпадение дат, которое может списать на простую случайность истории. В этом же году командующим Отдельным Грузинским (впоследствии Кавказским) корпусом был назначен генерал А.П. Ермолов. Сам командующий так характеризовал ситуацию на Кавказе: «*Кавказ – это огромная*

крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо или штурмовать её, или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого. Так поведём же осаду!»[vii]. На первом этапе А.П. Ермолов перенес левый фланг Кавказской линии с Терека на Сунжу, чтобы приблизиться к Чечне и Дагестану. В 1818 году была усилена Нижне-Сунженская линия, укреплен редут Назрановский (современная Назрань) в Ингушетии и построена крепость Грозная в Чечне и поселены по Сунже враждебные чеченцам племена. Укрепив тылы и создав прочную оперативную базу, русские войска приступили к продвижению вглубь предгорий Большого Кавказского хребта. В 1819 году была построена в Дагестане крепость Внезапная. Аварский хан пытался предпринять поход с целью изгнать русских из своих владений, но его атака закончилась полным поражением, и хан был вынужден покориться. Примечательно, что от Наурская станица смогла защититься от набега горцев силами лишь женщин-казачек, так как мужское население было в это время в походе. Чтобы разрушить враждебные России военно-политические связи между мусульманами Северного Кавказа, по приказу генерала А.П. Ермолова у подножия гор на реках Малке, Баксанке, Чегеме, Нальчике и Тереке строились русские крепости, образовавшие Кабардинскую линию. А постройкой крепости Бурной в 1821 году был закончен треугольник опорных пунктов русских войск на левом фланге.

Усиление России на Северном Кавказе сильно встревожило не только Турцию и Персию, но и западные державы Англию и Францию, которые также видели на Кавказе свои интересы и явно не желали проникновения туда России. Не желая открыто выступать против русских, «западные партнеры» использовали свой излюбленный прием геополитики – достижение своих целей руками других народов. Английская дипломатия активно подталкивала к обострению конфликта с Россией турецкого султана, а последний был вынужден оказывать влияние на своих кавказских вассалов. Так, ещё в ноябре 1819 года русскими властями были получены сведения о том, что анапский паша направил в горы, к закубанским адыгам, своих агентов, которые «*возмущают черкес, уговаривают их к нападению на русскую границу, а более всего на Екатеринодар как главный пункт черноморского населения, обещая за то хищникам жалование*»[viii]. Именно тогда были отмечены и первые проникновения английских эмиссаров в этот регион. Англия, а с середины XIX века и Франция начинали активную помощь всем народам готовым сопротивляться России на Кавказе. Как отмечали современники событий: «*Эта неблагоприятная для России обстановка возбудила у британских руководителей надежды, связанные с превращением региона не столько в средство запугивания и противодействия России, сколько в самостоятельное звено колониальных планов Англии*»[ix].

> *Противникам Российской империи оказывалась щедрая финансовая помощь, поставлялось оружие, направлялись опытные офицеры и инструкторы, предавались важные разведданные о русских силах, что существенно усугубляло положение и мешало быстрому продвижению русских войск.*

По мере усиления России, западная и турецкая дипломатия сразу же подняла флаг «защиты» кавказских горцев и выступала за создание «независимой Черкесии», прикрывая этими лозунгами собственные геополитические интересы. Известный русский историк кавказовед А.П. Берже, отмечал, что *«…вмешательство турецкой и европейской дипломатии в дела горцев не принесло и не могло принести им ничего, кроме зла, так как оно происходило не в интересах их или с какою-нибудь гуманной и нравственной целью, а явилось, как средство загребать жар чужими руками. Горцы и в глазах турок, и в глазах Европы представляли только средство для противодействия России, и в пользовании этим средством ни Европа, ни Турция не обнаружили никакой жалости. Воображение доверчивых честных горцев постоянно возбуждалось блистательными и игривыми обещаниями помощи и участия при посредстве разных эмиссаров»*[x].

Параллельно разжиганию национального самосознания и распространению среди горцев идей собственной квазигосударственности, с 1923 года на Северном Кавказе начало активно распространятся радикальное религиозное учение Мюридизма. В суфизме слово «мюрид» дословно означает ученик, первая ступень посвящения и духовного самосовершенствования, также, может обозначать суфия вообще и даже просто рядового мусульманина[xi].

Главным проповедником этого учения в 1820-е годы стал Мулла-Магомет, который сразу приступил к активной пропаганде на территории Дагестана и Чечни священной войны против неверных, в первую очередь против русских. Новое учение проповедовало, что истинный мусульманин не может находиться под властью неверного, потому что неверный преграждает путь к престолу Аллаха. Проповеди религиозных радикалов быстро находили отклик в умах безграмотных горцев, изменяли их мировоззрение и духовный мир. Однако большинство тонкостей философского учения кавказцы так и не поняли и выносили из слов проповедников лишь основную мысль о скорой надвигающейся войне с русскими и необходимости подготовки к вооруженному сопротивлению. Требуя от горцев строгого выполнения предписаний чуждого им мусульманского закона шариата проповедники Мюридизма устанавливали жесткую диктатуру и единоначальную власть на местах, жестоко уничтожая всех несогласных. Если в первые годы новое учение распространялось медленно, то к концу 1820-х годов сторонников мюридизма стало достаточное количество. Уже к концу 1829 года Дагестан был объят религиозным энтузиазмом, чуть позже новое учение завоевало

сознание и населения Чечни. Высоко в горах, где веками местные жители отвергали всякое гражданское устройство и элементы государственного управления, проповедникам Мюридизма удалось создать систему управления, общественную казну, провиантские магазины и мощные точки обороны. На месте разрозненных кланов появилась объединенная общность, готовая активно бороться против России и русских.

Для понимания ситуации того времени следует отметить, что взаимоотношения между Россией и горцами Кавказа в XIX веке были разнообразные. Следует четко разграничить горных и равнинных жителей Кавказа. Последние, как их называли в то время, «плоскостные», занимались хозяйственной деятельностью и были более лояльно настроены по отношению к русским властям. В горах же в массовом порядке укрывались те, кто бежал от правосудия, причем не только от царского, но и местного, кавказского. Именно среди них и началось распространение радикальных учений. Поэтому горные чеченцы достаточно агрессивно и недружелюбно относились к своим равнинным братьям по вере, к началу XIX века зафиксировано множество случаев, когда они торговали не только русскими пленниками, но и кавказскими рабами. По мере распространения Мюридизма и эскалации вооруженного конфликта эти противоречия существенно обострились и часто приобретали характер кровавой резни. Известно, что Шамиль, который опирался именно на горных чеченцев, куда более жестоко, чем генерал Ермолов, проводил карательные операции против местных жителей, зачастую вырезая целые аулы и кланы, не желавшие идти вместе с ним. Так, например в Дженгутае по его приказу был сожжен дворец Ахмед-хана Мехтулинского, а в ряде селений Чечни была полностью вырезана «греховодная знать». В Гидатле были истреблены «16 почтеннейших людей», истреблена также знать Андаляля, Кадиба, Соситля и многих других селений. Мюридам приходилось оружием и убийствами насаждать шариат и теократические порядки имамата[xii]. На протяжении всего XIX века на Кавказе шла как религиозная, так и кровавая клановая борьба меду горцами. Данные факты доказывают нам, что на Кавказе того времени не существовало общего национального самосознания, и объективных основ для объединения под знаменем Мюридизма также не было. Зачастую радикальные учения для некоторых групп горцев были идейным прикрытием и оправданием в их междоусобном противостоянии и борьбе за рынки работорговли.

В распространении радикального антирусского исламского учения на Кавказе, бесспорно, была заинтересована Турция, оказывающая всяческую помощь братьям по вере. Но при внимательном изучении ситуации в формировании религиозного фанатизма на Кавказе можно найти и устойчивый след агентов

Великобритании. Английские эмиссары на Северном Кавказе имели задачу распространения среди горцев так называемого «национального обета». Данная традиция не имела никакого отношения ни к религиозным учениям ислама, ни к национальным традициям народов Кавказа. Она была придумана британским дипломатом и русофобом Д. Уркартом, который еще в июле 1834 года впервые подал местным старшинам Кавказа мысль «объединиться с другими горцами под одной властью и под общим знаменем». Так называемый «обет» представлял собой клятву вечной войны против русских, а также против «изменников», то есть горских племён и отдельных горцев, которые либо принимали мир, предлагавшийся русскими властями, либо вступали с русскими в торговые сношения. Клятвой также предусматривалось исполнение по приказу англичан или завербованных ими старшин приговора над «изменниками» или донос на них. На основании «национального обета» англичане предлагали кавказцам создать систему жесточайшего террора против всех, кто сотрудничает с русскими. Так, нарушители «обета» подлежали смертной казни, а имущество их делилось между палачами, дети казнённых продавались в рабство во избежание кровной мести[xiii]. Одна из первых церемоний принятия подобного «обета» прошла в августе 1834 года в Хабле и по данным английских источников была осуществлена «не без кровопролития». Чуждый горцам церемониал «национального обета» быстро угасал, а поэтому требовал постоянного присутствия английских эмиссаров для его поддержания. Так, в 1837 году британский агент Найт, известный под псевдонимом Надир-бей, явился в Черкессию в форме королевского стрелка с огромным грузом боеприпасов, собрал тысячу горцев для распределения оружия и заставил их дать придуманную Д. Уркартом клятву за себя и свои округи. При этом была постановлена задача собрать по подписке фонд для выдачи наград за доносы на тех, кто контактирует с русскими. Известно, что этот агент британской разведки имел значительные суммы денег, которые активно использовал для подкупа местных старейшин в деле создания широкого антирусского фронта сопротивления[xiv].

Для полноты понимания геополитической ситуации на Северном Кавказе, важно обратить внимание на следующий факт. Кроме защиты своих удаленных границ в Индии, у Великобритании была еще одна цель, сугубо экономического характера. К началу XIX века английские коммерсанты освоили торговый путь через Трапезунд. По этому маршруту шли английские товары в Турцию, Персию и обратно. Расположенный на южном побережье моря Трапезунд был наиболее удобным транзитным центром для английской торговли в этом регионе. Численность купцов в городе постоянно возрастала, размер товарооборота тоже. Поддерживались и постоянные торговые связи

Трапезунда с Черкесией. Английская компания купцов, расположенная в Трапезунде, покровительствовала этой торговле и способствовала выгодной продаже английских товаров. Английские бизнес представители вложили в эту торговлю большие капиталы, и расставаться с ними явно не желали. Когда же Россия заявила о своих интересах на Закавказье, британцы сразу стали высказывать озабоченности, что их новая коммерческая артерия может быть перекрыта русскими, что принесет существенные убытки.

Активная антирусская пропаганда среди горцев и распространение радикального исламизма, привели к первому крупному вооруженному восстанию на Кавказе, которое пришлось на 1825 – 1826 годы. Год восстания совпадает с непростой передачей императорской власти и вуступление декабристов, когда Россия стояла в одном шаге от гражданской войны. А в 1826 году Персия без предварительного объявления войны приступила к боевым действиям против России. Очевидно, что крупное восстание горцев существенно отвлекало русские военные силы на кавказском театре боевых действий. К 1827 году восстание удалось подавить, а генерал А.П. Ермолов был снят с должности и отозван с Кавказа по подозрению в связях с декабристами (которые следствию доказать не далось). Новым наместником Кавказа стал генерал И.Ф. Паскевич, который резко изменил тактику действий русских войск. Русское военное командование отказалось от планомерного продвижения в глубь Кавказа и перешло в основном к тактике отдельных карательных экспедиций, подкупу старейшин и авторитетных людей. Это привело к положительным последствиям, позиции России продолжали усиливаться, что было связано и с успешно проведенными войнами с Персией (1826 – 1828 гг.) и Турцией (1828-1829гг.). По Андрианопольскому мирному договору с Турцией 1829 года русским дипломатам удалось добиться от турок существенных уступок восточного побережья Черного моря, включая крепости, Анапа и Поти. Важно понимать, что племена, обитавшие на восточном берегу Черного моря, были политически совершенно независимы и только в силу религиозных понятий признавали главенство султана, как верховного представителя. Этот факт позволил Лондону заявить, что он не признает законность данного международного договора и требует от России невмешательства в дела черкесов. Николай I справедливо оставил протесты англичан без внимания, а на открытый конфликт с Россией, англичане тогда не решились. Помимо геополитических успехов в регионе, победа России позволяла прекратить работорговлю, которой занимались вооруженные группы адыгов, совершавших ранее набеги на русские поселения с целью захвата пленных и продажи их в Турцию.

> *Если англичане и раньше вели подрывную, разведывательную деятельность на Кавказе, то после Туркманчайского договора с Персией и Адрианопольского мира с Турцией их деятельность резко активизировалась.*

В Лондоне решили сделать ставку на создание так называемого черкесского независимого государства. Кроме «национального обета», западными пропагандистами была изобретена идея «национального черкесского знамени», как символа сопротивления русским. Английские эмиссары обещали черкесам временную поддержку в обретении независимости и создании собственного государства. Естественно, что реальной независимости им никто предоставлять не собирался. По планам Лондона, на Кавказе доложено было появиться вассальное протогосударственное образование, подчиняющееся Турецкому султану, а сама Турция к этому времени находилась под серьезным политическим влиянием Британии. И работа в этом направлении развернулась достаточно активная и многоплановая. Великобритания направляла на Кавказ своих лучших агентов, знающих этническую и религиозную специфику региона, не жалела материальных ресурсов и денежных средств. В Лондоне началась активная работа по накоплению систематической информации о Кавказе. В начале 1830-х годов началась разведывательная и политическая деятельность известного в Англии публициста Д. Уркарта. В своих статьях и заявлениях этот человек неоднократно отстаивал идеи о том, что Кавказ должен стать одной из зон интересов английских торговых представителей[xv]. Однако главная его деятельность была весьма далека от торговых интересов Великобритании и её купцов. Внимание английского шпиона в первую очередь привлекала политическая ситуация на Кавказе. По свидетельству русского посла в Константинополе А.П. Бутенева, он давно пытался завести с горцами «вредные сношения». Прибыв в 1834 году на английском военном корабле в район Сухум-кале (Сухуми), Д. Уркарт имел продуктивную встречу с горцами. Во время этой экспедиции английский агент активно посещал аулы, принимал участие в собраниях и обсуждал сложившееся положение с представителями высших сословий. Однако, его выступления были довольно сдержанными и не содержали отрытых призывов к вооруженному сопротивлению. Путешествие Д. Уркарта было официальным и он, как представитель британской короны, не мог, да и не ставил задач активного переманивания черкесов на свою сторону. Это успешно делали другие английские агенты, прибывавшие на Кавказ тайно. В своих речах Д. Уркарт не обещал никакой конкретной помощи кавказцам ввиду её невозможности и в тоже время рекомендовал добиться консолидации сил как единственно возможного варианта борьбы в

сложившихся условиях. Он призывал их к усилению борьбы против России, заявив, что прислан самим королем Англии, который желает знать все о Черкессии и главным образом, какую помощь он может ей оказать. «*Вы единственные из народов мира, кто узрел истинное лицо России. Потому-то вы одни и противитесь ее власти. Но вы должны увидеть и истинное лицо Европы. Ваша безопасность в борьбе с Россией была гарантирована знанием ее слабостей, ваша защита от Европы будет заключаться в знании ее вероломства*»[xvi], большинство источников приводят эту фразу, якобы сказанную Дж. Уркартом во время встречи с кавказцами. Последовавшее предложение адыгов встать во главе их, английский представитель категорически отклонил[xvii]. Изучив обстановку, Д. Уркарт пришел именно к тем выводам, которые были выгодны английской политике. В отчете о проделанной им работе отмечалось, что черкесы являются независимыми, враждебно относятся к России и отказываются подчиняться условиям Андрианопольского мира. Поэтому, по его мнению, население было заинтересовано в помощи со стороны Англии и Турции в борьбе против политики, проводимой царским самодержавием. Во время этой встречи, для черкесов было придумано и предложено зеленое знамя со стрелой как символ национально-религиозного сопротивления. Информация, полученная от Д. Уркарта, была ожидаемой в английском МИДе и привела многих дипломатов в возбужденное состояние. Так, ознакомившись с ситуацией, лорд Понсонби заявил, что в создавшемся положении «*кавказцы сделали бы самое лучшее, если бы провозгласили независимость*», после чего «*Англия должна была бы признать независимость Черкесии*». Далее посол подчеркивал, он *«сравнительно поздно узнал о полной свободе этой страны от какой-либо законной власти и поэтому любой документ на ее владение, учрежденный Николаем, является абсолютно незаконным*»[xviii]. Все дальнейшие усилия английской разведки и дипломатии будут направлены именно на создание ситуации и возможности территориального отчуждения Кавказа от России. В Геленджике и Анапе Дж. Уркарт и еще один английский агент Лайонс интересовались численностью российских гарнизонов, способами их снабжения, характером фортификационных сооружений, отношением черкесов к русским, местными навигационными условиями и многим другим. Наводили они справки о численности и расположении войск Кавказского корпуса. В результате такой активности английских агентов, императору Николаю I пришлось запретить иностранцам осмотр кавказских берегов и общение с черкесами, однако подобные контакты прекратились только на официальном уровне. Тайные встречи продолжались и далее. Кратковременного визита Д. Уркарта на Кавказ было достаточно, что бы началась цепочка систематических подстрекательств, нацеленных на сохранение постоянного очага сопротивления в этом регионе и подготовку

условий для отторжения его от России[xix]. Английский агент Белл сообщал, что завербованные им представители чекесской знати «*желают не только дружбы, и помощи Англии: они хотят, чтобы Англия сделала их страну одним из своих владений*»[xx]. По инициативе англичан натухайские и шапсугские старшины писали верноподданнические петиции сразу на два адреса: английской королеве и турецкому султану.

i *Олейников Д.* Большая война // Родина. 2000. № 1.

ii *Баддели Дж.* Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М., 2011; *Гаммер М.* Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998*; Бланч Л.* Сабли рая. Махачкала, 1991; *Robert F. Baymann.* Russian-Soviet Unconventional Wars in the Caucasus, Central Asia and Afghanistan. - Leavenworth Papers. N 20, 1993.

iii *Савельев А.Е.* Кавказская война 1817-1864 гг. в исторической науке // Вопросы истории. 2011. № 2. С. 161-166.

iv Central Asian Survey. URL: https://www.centraleurasia.org/publications/cas/ (дата обращения 06.05.2020 г.).

v *Васильев М.В.* Ключи от Индии. Борьба за Среднюю Азию // Архонт. 2019. № 4. С. 4 – 11.

vi *Васильев М.В.* Политические провокации галантного века. История декабристов // Архонт. 2020. № 2. С. 18 - 28.

vii *Керсновский А.А*. История Русской армии. Т. 2. М., 1992-1994.

viii *Федосеева Л.Д.* Иностранное вмешательство в Кавказскую войну // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 4. С. 11 – 14.

ix Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII - начало XX вв. М., 1978. С. 132.

x *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. № 1.

xi Ислам: энциклопедический словарь. М, 1991.

xii *Нарочницкая Н.А.* Кавказские войны – средство геополитики. URL: https://pravoslavie.ru/5114.html (дата обращения 10.05.2020 г.).

xiii *Бушуев С.К.* Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. (20-70-е годы XIX в.). М., 1955.

xiv *Попов В.В.* Войны на Кавказе и западноевропейские «цивилизаторы» // Военно-исторический журнал. 1997. № 4. С. 62 – 66.

xv Акты, собранные кавказской археографической комиссией // Архив Главного управления наместника кавказского. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 894.

xvi Британские идеологи русофобии XIX века. Битва за Кавказ URL: https://www.russiapost.su/archives/44168 (дата обращения 10.05.2020 г.); *Бушуев С.К.* О кавказском мюридизме // Вопросы истории. 1956. № 12. С. 76.

xvii *Лонгворт Дж. А.* Год среди черкесов. Нальчик, 2002; Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 до конца 1842 года // Кавказский сборник. 1877. Т. II.
xviii *Чеучева А.К.* Место Черкесии в политике Великобритании после заключенияУнкяр-Искелессийского договора 1833 г. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 1. С. 75 – 83.
xix *Федосеева Л.Д.* Английская агентура на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 1. С. 58-63.
xx *Бушуев С.К.* Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. (20-70-е годы XIX в.). М., 1955.

БОРЬБА ЗА КАВКАЗ. ЧАСТЬ II.

Twitter VK Odnoklassniki Blogger LiveJournal Email Print Share

22.12.2020
Россия

Максим Васильев

Противостояние 1830-х годов

Помимо распространения идей английского протектората и «желания» Запада поддержать борьбу горцев за независимость, на Северном Кавказе продолжали культивироваться радикальные религиозные взгляды, теперь перерастающие в конкретную политическую оболочку. И вновь можно наблюдать очень интересное совпадение по датам. В 1828 или 1829 году общины ряда аварских селений избрали своим имамом аварца из села Гимры Гази-Мухаммеда. Именно это событие принято рассматривать как начало формирования единого имамата Нагорного Дагестана и Чечни, который стал главным очагом сопротивления Российской империи. Имам Гази-Мухаммед развил активную деятельность, призывая к религиозной войне против русских. С присоединившихся к нему горцев, он брал присягу следовать шариату, отказаться от местных законов и прервать всяческие отношения с русскими. Практически синхронно в России вспыхнуло два крупных вооруженных восстания. Когда в конце ноября 1830 года польские фанатики-националисты напали на русский гарнизон в Варшаве, и началось польское восстание, Гази-Мухаммед захватил ряд аварских и кумыкских селений, а в 1831 году воинственным горцам удалось разграбить Кизляр и осадить Дербент. И если отозванный с Кавказа генерал И.Ф. Паскевич сумел подавить мятежных поляков к концу 1831 года, то подавление выступления на Кавказе затянулось до конца 1834 года. Новым имамом в 1833 году был избран Гамзат-бек. Он штурмом взял аварскую столицу Хунзах, уничтожив почти весь род аварских ханов, за что и был убит в 1834 году по праву кровной мести[1].

Третьим имамом был избран Шамиль, с приходом к власти которого, наступает новый этап Кавказской войны. Именно при Шамиле было завершено государственное устройство имамата, который можно считать теократической формой правления. Имам на Кавказе сосредотачивал практически безграничную власть. В его руках была не только религиозная, но и военная, исполнительная, законодательная и судебная власть.

Говоря о взаимосвязи польского и кавказского восстаний, важно обратить внимание на любопытный факт того, что министр иностранных дел Великобритании Дж. Пальмерстон лично контролировал деятельность «Жонд народовы» – представительство польских эмигрантов в Европе. Именно через эту организацию велась пропаганда, адресованная польским офицерам русской армии на Кавказе, а польская миссия открывалась в Константинополе, откуда её эмиссары направлялись в Южную Россию и Кавказ. Бывший друг и соратник императора Александра I, А.Е. Чарторыйский, а ныне лидер польской эмиграции спланировал целую операцию по созданию широкого фронта сопротивления России, который объединял бы поляков, малороссов, казаков

и черкесов. По его замыслам, горцы должны были развивать свое наступление с предгорий Кавказа, вдоль Волги, идя по направлению к Москве. Предполагалось поднять мятеж Донских казаков и двинуть их в направлении Воронежа и Тулы. Польскому корпусу предписывалось ударить по Малороссии. Конечной целью этих действий провозглашалось восстановление независимого польского государства в границах 1772 года. Украина, донские и кубанские казаки должны были признать протекторат Польши. На Кавказе планировалось создать три государства: Грузию, Армению и Федерацию мусульманских народов, каждое из которых находилось бы под протекторатом Турции. Самое важное в понимании этих воинственных планов польской эмиграции, то, что они не только рассматривались запанными державами как один из вариантов развития событий, но и были одобрены официальными лицами в Париже и Лондоне[2]. Большая игра продолжалась и в качестве реванша за польское восстание и его прозападные корни, Россия нанесла досадный и очень болезненный удар по интересам Великобритании. В 1833 году российской дипломатии удалось перетянуть Турцию на свою сторону и заключить с ней Ункяр-Искелесийский оборонный союз, по которому две державы обязались помогать друг другу, в случае если третья страна начнет боевые действия против России или Турции. В объятия русской дипломатии турок подтолкнули сами западные державы. Так, в 1830 году Франция отобрала у Османской империи огромные территории Алжира, а египетский паша заявил о независимости от турецкого влияния, в результате чего началась турецко-египетская война (1831 – 1833 гг.). Естественно новая египетская государственность была бы моментально взята под контроль Лондоном и Парижем. Более того Франция стремилась захватить в качестве своей колонии территории Сирии. Понеся ряд серьезных поражений, Турция стояла на гране гибели, сложилась возможность захвата Стамбула египтянами. Первоначально турецкий султан несколько раз просил помощи у своих давних друзей – англичан. Однако английская дипломатия, высказывая слова соболезнования турецкому лидеру и осуждая египетского мятежника, упорно уклонялась от принятия конкретного оказания помощи Стамбулу. В результате турецкий султан был вынужден обратиться к русскому императору. Понимая, что сложился уникальный шанс изменить баланс сил в свою пользу, Николай I отдал приказ русскому десанту под командованием генерала Муравьева, высадился на Босфоре и оказать помощь туркам. Уже к началу апреля 1833 года на Босфоре было сосредоточено 20 русских кораблей и около десяти тысяч солдат пехоты. Русские корабли взяли под охрану турецкую столицу и заставили мятежного египетского пашу сесть за стол переговоров[3]. Турецкая государственность была спасена благодаря

решительности и своевременности действий русского императора, а Россия получила значительные преференции. Отныне проливы Босфор и Дарданеллы по требованию Петербурга закрывались для всех военных кораблей, кроме русских[4]. Ункяр-Искелесийский договор являлся серьезной победой русских дипломатов, существенно усиливал позиции России в регионе, а также являлся демонстрацией поражения английской политики. После чего Лондон лишь удвоил свою энергию по работе на Кавказе.

> *Для того что бы сформировать соответствующий информационный фон русофобии и оправдать свое право на Кавказ, в Англии стали периодически появляться публицистические издания, посвященные русской угрозе.*

Именно по этим книгам «просвященная» Европа составляла свое представление о России и её хищнических щелях. Одной из первых подобных изданий стала книга «Замыслы России», написанная в 1828 году английским полковником Дж. де Ласи Эванс. С точки зрения геополитического противостоянии великих держав и информационной пропаганды, книга вышла в свет очень своевременно. В это время Греция вела активную борьбу за независимость от Турции (1821 – 1830 гг.), а западные державы опасались, что Россия, оказав грекам поддержку, сможет получить военно-морские базы в Средиземном море. Такого усиления Российской империи Запад допустить не мог, поэтому были брошены все силы на то, что бы отвлечь Россию на решение внутренних проблем в Польше и на Кавказе, создавая там точки «управляемого хаоса». А для европейской общественности предлагалась русофобская истерия и призывы к коалиционному противостояния русским. Так в своей книге Дж. Ласи писал: «*Необходима коалиционная война, в которой против России объединились бы Англия и Франция, с тем чтобы уничтожить ее главные морские стратегические базы – Севастополь и Кронштадт, изгнать её из Черного и Каспийского морей не без помощи кавказских горцев и Персии, установить там полное господство британского флота. Необходимо также поднять и другие нерусские народы и развязать внутри России гражданскую войну*»[5]. Идея внутреннего гражданского конфликта, к чему привела бы победа декабристов в 1825 году и будущая стратегия действий западных держав в эпоху Крымской войны хитро переплелись на страницах этой книги. В строчках явно заказной политической публицистики английское правительство откровенно приоткрывало мировому сообществу свои далеко идущие планы. Однако европейцам, да и самим английским подданным нужно было еще объяснить, почему так опасна Россия. В этих целях Дж. де Ласи была опубликована еще одна книга с говорящим заголовком «Осуществимость российского вторжения в Британскую Индию»[6]. Автор доказывал читателю, что главной целью России

является не завоевание Индии, а дестабилизация там британского правления. Говоря о деятельности русских войск на Кавказе, он утверждал, что главное направление для России это не персидское, а среднеазиатское. Русские войска непременно войдут в Хиву, затем Кабул, а там до Индии рукой подать. Учитывая, что точных карт этих мест не существовало, и даже специалисты имели лишь примерное представление о данном регионе, заявления Ласи выглядели достаточно презентабельно и убедительно. По крайней мере, его публикации сумели сформировать соответствующее мнение в обществе, а возглавлявший контрольный совет по Индии, Лорд Элленборо разослал эту книгу всем заинтересованным лицам. Масштаб раздутой англичанами мнимой русской угрозы ярко иллюстрирует фраза из дневника губернатора Бомбея Джона Малкольм, который писал следующее: «*Я был убежден, что нам придется сражаться с русскими на Инде... Чего я боюсь, так это оккупации Хивы, которая может остаться для нас неизвестной. А всего через три-четыре месяца враг может оказаться в Кабуле*»[7]. А русские войска тем временем еще только с переменным успехом брали под контроль территории Северного Кавказа. Но английская политическая машина работала с завидным опережением. После того как подобная публицистика выполнила свою роль, то соответствующая позиция Англии по Кавказу становилась областью актуальной политики. Так, английский дипломат и член посольства в Константинополе Д. Уркарт после своей поездки по черкесским землям, о чем рассказывалось ранее, открыто заявил следующее: «*Сопротивляясь России, кавказские народы оказывают бесценную услугу Англии и Европе. Если русская армия захватит Кавказ, уже никто и ничто не сможет остановить ее победную поступь дальше на юг, восток или запад и помешать царю стать полновластным хозяином в Азии и Европе. Черкесы являются стражами Азии*»[8]. Подобные заявления западных дипломатов в очередной раз доказывают необходимость изучать события Кавказской войны исключительно в контексте событий большой геополитической повестки. Взяв под свой контроль восточное побережье Черного моря по Андрианопольскому договору, русское командование приступило к строительству укреплений. Летом 1834 года генерал А.А. Вельяминов произвел экспедицию в Закубанье, где была организована кордонная линия протяженностью до Геленджика. Вся вторая половина 1830-х годов была посвящена планомерному продвижению России вдоль черноморского побережья и строительству укрепрайонов. К 1839 году была создана полноценная Черноморская береговая линия протяженностью около 500 километров от устья Кубани до Абхазии. Были созданы 17 фортов, усиленные кораблями Черноморского флота. Причем появление русских войск и строительство новых укреплений активно контролировалось английским представителями, которых было достаточное количество в среде горцев.

Русское командование первоначально было удивлено увидеть среди диких гор Черкесии столь разветвленную систему английской разведки. В своем рапорте начальник Черноморской береговой линии, генерал Н.Н. Раевский указывал, что направленные от шапсугов и натухайцев посланцы высказали решительный отказ в покорности, причем объясняли они это тем, что король английский взял на себя посредничество между ними и русскими. Далее русский генерал отмечал, что несмотря на все старания, англичанам так и не удалось организовать крупного черкесского войска для войны против России. «*Горцы не могли иметь на долгое время несколько тысяч войска в постоянном сборе; средства к существованию войска скоро истощились, а способов к подвозу продовольствия не было*» по этой причине черкесы то собирались, то расходились по собственному усмотрению. «*При появлении где бы то ни было нашего войска горцы стекались со всех сторон. Число их то увеличивалось, то уменьшалось. Когда на Пшаде генерал Вельяминов строил укрепление, англичане, окруженные горцами, осматривали с высот окрестных гор наши работы*» - отмечал генерал Н.Н. Раевский[9]. Усиление России в регионе покончило с неконтролируемой контрабандой и работорговлей, которую вели горцы с другими странами и в первую очередь с Турцией. Для скорейшего покорения местного населения был воспрещен подход к побережью любых иностранных судов, которые могли бы подвозить горцам боеприпасы и усилить их сопротивление. Русским кораблям вменялось активное курсирование вдоль кавказского побережья и предотвращение попыток иностранного вмешательства.

Несмотря на то, что ряд исследователей указывает, что данные действия русского командования прервали привычные торговые связи горцев, необходимо признать, что подобные меры были вынужденные и своевременные, без которых удержать регион было бы просто невозможно. Продолжая разговор о прерванных торговых связях народов Кавказа, о которых так часто говорится в западной публицистике и ряде работ либерально настроенных отечественных исследователей, хочется обратить внимание на следующий любопытный факт. Одним из наиболее крупных и устойчивых центров торговли в Черкесии была Анапа. Именно этот город мог обеспечить торговцам и покупателям безопасность в силу наличия русской крепости и постоянного военного гарнизона в ней. Именно сюда приплывали русские купцы для ведения торговых отношений. Русское правительство пыталось через торговлю и совместные экономические интересы наладить дружественные отношения с местными жителями и расположить их к себе. Поэтому вход в Анапскую крепость был сделан открытым и свободным для всех желающих. Что бы предотвратить развитие здоровых экономических отношений между русскими и черкесами, английские эмиссары выбрали для

своей подрывной деятельности именно Анапу и ближние к ней территории. Во время своей поездки по Кавказу Дж. Уркарт преследовал задачу уговорить горцев от каких бы то ни было торговых контактов с русскими. Нужно признать, что его усилия к лету 1835 года не прошли даром. Уже на очередном собрании племен, вопреки собственной их выгоде было принято решение прекратить все торговые сношения с русскими в Анапе. Это решение было закреплено «клятвенно» и «опасением смертной казни» за его нарушение. Это же подтверждает и другой английский агент, действовавший на Кавказе Дж. Лонгворт (Алсид-бей), который прибыл к горцам в 1837 году. В своей работе он подробно описывал деятельность Д. Уркарта в Черкесии по недопущению развития русско-черкесских экономических отношений. В частности, он пишет, что «*черкесы, строго наставленные мистером Уркартом, сами прекратили эти сношения и, чтобы предотвратить их возобновление, поставили сторожевой кордон по соседству с этой крепостью*»[10].

> *Таким образом, англичане разыгрывали свой традиционный прием «управляемого хаоса». Являясь организатором своеобразной экономической самоизоляции горцев, англичане вызывали естественное ухудшение уровня жизни местного населения, а возникающее недовольство направляли против русских.*

Английские агенты постоянно и доходчиво объясняли черкесам, что все проблемы и трудности в хозяйственной сфере связаны именно с приходом русских на Кавказ, а улучшить собственную жизнь можно только путем вооруженного сопротивления России. Европейской же общественности ситуация преподносилась несколько иначе, мол из-за русской блокады турецкие и европейские корабли не могут подплывать к восточным берегам Черного моря, из-за чего у горцев возникло сложное экономическое положение. Естественно, масштабы проблемы раздувались до немыслимых размеров, в результате чего у простого читателя возникало ощущение, чуть ли не гуманитарной катастрофы, свершившейся на Кавказе. А главным виновником, конечно, объявлялась Россия, и, следовательно, иностранное вмешательство в дела Кавказа было просто необходимо и исключительно в гуманистических целях. Данный маленький пример из истории Кавказской войны является очень показательным для понимания большой геополитической и информационной борьбы. Англия еще в XIX веке демонстрировала примеры того, как с наименьшими затратами, но при грамотном использовании внутренних противоречий конкурента и правильной подаче информации можно достигать больших и разноплановых результатов.

Не признав Андрианопольского договора, Великобритания готовилась объявить о своем протекторате на территорию Черкессии, а для этого необходимо было поднять горцев на крупное вооруженое сопротивление русским. Для этого помимо обещаний и пламенных призывов, требовалось вооружить их, предоставить опытных инструкторов и советников, которых и забрасывали на Кавказ по морю. Попытки англичан и турок дестабилизировать ситуацию на западном Кавказе в 1830-е годы были систематическими и имели характер четко спланированной операции. Приведем лишь некоторые факты из сохранившихся архивных документов. В 1833 году моряками Черноморского флота был захвачен турецкий подполковник Али-бей, направлявшийся в Черкесию с группой турецких офицеров. А ранее в рапорте полковника Чайковского указывалось, что имея паспорт русского посланника в Константинополе и нося польский орден на груди Али-бей ведет активную работу с горцами. Прибыв на Кавказ он «*советовал старшинам шапсугов и натухайцев, чтобы они не покорялись русским и не имели бы с ними никаких сношений, уверяя их, что его родной брат, турецкой службы полковник, назначен уже пашою в Анапу, которая, как и Геленджик, в скором времени сдана будет туркам*». Также для старшин им была привезена грамота из Константинополя, текст которой читался муллою в присутствии 200 человек. Главная идея данного документа заключалась в том, что бы ни при каких условиях не покоряться русским и не входить ни в какие сношения с ними. Ранее еще в мае 1831 года русские корабли задержали купеческие судно «Адольфо», которое шло под английским флагом и управлялось итальянцем Луи Цицимой. Официально судно шло в Черкесию для торговли с местными жителями товарами первой необходимости, но при проверке судна оказалось, что оно перевозит бочки с порохом. В рапорте от 27 июля 1836 года российского консула в Трапезунде указывается о приезде в Черкесию английского эмиссара. В этом документе отмечалось, что англичанин Д. Стюарт и его компаньон итальянского происхождения «причалили около 8 июля к черкесскому берегу в местности, называемой Нокопси, расположенной в небольшом расстоянии к востоку от укрепления Галенджик. 80 бочонков пороха были также доставлены за несколько дней ранее на тот же пункт. Едва сойдя на берег, оба путешественника представили горцам, собравшимся на побережье, письмо от Сефер-бея и немного времени спустя отправились вглубь страны, сопровождаемые десятком всадников, забрав с собой весь порох. А через 10 дней Д. Стюарт вернулся один в Нокопси, заявив, что его компаньон останется еще на некоторое время в стране. Во время пребывания этого англичанина на Кавказе множество главарей горцев явились к нему, чтобы узнать содержание привезенного письма, в котором они извещались

об отправке пороха от британского правительства, обещая в ближайшем будущем более действенную помощь как от Англии, так и от Турции[11]. И таких фактов доставки пороха, свинца и оружия на Кавказ посредством англичан огромное количество. Командующий правым флангом Кавказской армии генерал-лейтенант А.А. Вельяминов докладывал, что упомянутый выше англичанин Д. Стюарт в течение восьми месяцев объехал всю Черкесию от Абхазии до Кубани, внушая черкесскому народу мысль о необходимости объединения в союз и координировать усилия, направленные против России, в результате чего кавказцы приходили в состояния волнения и активно вооружались для борьбы[12]. Цели английских эмиссаров на Кавказе открыто формулировал Дж. Уркарт: «*Эта крепость – Кавказ – представляет для Англии более важную точку опоры, чем Турция. Там мы могли бы в любое время и за пустячную цену, благодаря воинственному расположению населения, его нехитрым привычкам и воздержанному образу жизни сформировать и вооружить двести тысяч храбрейших в мире воинов, способных, в случае крайней необходимости, дойти с огнем и мечом до самых ворот Москвы*»[13]

В 1950-е годы советскими исследователями активно разрабатывалась данная тематика, в научный оборот было введено множество выявленных в архивах документов, доказывающих наличие широкой агентурной сети британцев на Кавказе и их роль в разжигании конфликта горцев с русскими. К сожалению, после смены политического курса с 1953 года данное направление изучения проблемы резко прекратилось, и историки вновь вернулись рассмотрению военного конфликта сквозь призму формационного подхода Карла Маркса, видя в качестве причин войны противоречия между феодализмом и капитализмом.

Разведывательную и подрывную деятельность англичане проводили комплексно и не ограничивались лишь районом западного побережья Кавказа. Так, английский агент Лайонс, командуя фрегатом «Блонд», во время стоянки в Севастопольской бухте занимался обмером её глубин вместе с лицами, переодетыми в русских гардемаринов, а также проникал с разведывательными целями на яхте «Тюркуаз» в 1834 году в Суджукскую бухту (акватория современного Новороссийского порта). Там англичанин проводил переговоры с черкесскими и турецкими представителями, о чем докладывалось императору. Горские старшины даже возили Лайонса Суджукской дорогой к Анапе. В следующем 1835 году российский чрезвычайный посланник и полномочный министр при Оттоманской Порте А.П. Бутенев докладывал, что в Константинополь вторично прибыл английский офицер Лайонс в чине капитана, на этот раз он приплыл на более крупной яхте и намеревается совершить новое путешествие в Черное море.

Адмирал А.С. Меньшиков указывал командующему Черноморским флотом вице-адмиралу М.П. Лазареву на необходимость недопущения Лайонса в черноморские порты, что и было предпринято. Лайонс на своей шхуне пытался в июле 1835 года зайти в Севастополь, но ему было отказано. Тем не менее, хитрый англичанин обманул портовые власти Севастополя, и в августе все-таки сумел проникнуть в Севастополь и побывал в Одессе. После этого вопиющего случая вице-адмирал М.П. Лазарев приказал расстреливать ядрами береговой артиллерии любое иностранное судно, производящее промеры в районе Севастополя. Капитан Лайонс в это время был замечен в кампании секретаря английского посольства в Порте и еще нескольких англичан. Проникали ли они в тот раз на Кавказ, установить так и не удалось. Однако в декабре 1835 года было донесение о том, что неизвестный пароход проходил к Анапе, по неподтвержденным данным Лайонс был на нем. В 1836 года наши лазутчики из закубанских черкесов сообщили, что в Суджук-Кале прибыло 7 турецких судов с порохом и свинцом, а к Пшадскому рейду еще 6 кораблей[14].

В качестве вынужденной меры в мае 1936 года указом императора Николая I всем иностранным агентам, находящимся на Кавказе требовалось покинуть его немедленно в крайне сжатые сроки, по истечении которых таковых агентов подлежало считать государственными преступниками и объявить местным жителям вознаграждение в 500 рублей за головы таковых. К сожалению, данная мера особого успеха не принесла и агенты Турции и Великобритании продолжали делать свое дело в регионе. Так, летом 1836 года английский консул в Одессе Д. Йимс осуществил легальное путешествие вдоль восточных берегов Черного моря, однако впечатление красотами края или расширение своих представлений были лишь предлогом для проведения разведывательной деятельности. С этими целями он посетил Анапу, Редут-кале, Поти и другие русские укрепления, после чего был составлен подробный аналитический отчет о численности русских сил, системе укреплений, состоянии дорого и много другое. Данные сразу уходили в Лондон. Английское представительство в Одессе во главе с Д. Йимсом в эти годы являлось одним из наиболее информационных и качественных источников информации по Кавказу. Однако далеко не единственным. Шпионской деятельностью занимался и английский вице-консул в Трапезунде Д. Брант, который также периодически отсылал в Лондон донесения о Кавказе. Сбором подробной информации о военном и политическом положении дел в Черкессии занимались многие высокопоставленные дипломаты Лондона. Так, например, посол Великобритании в Петербурге лорд Дурхэм, добираясь в 1835 году к месту назначения, выбрал, по указанию свыше, путь в столицу

России через Константинополь и Одессу, а следуя этим маршрутом ему удалось внимательно изучить кавказское побережье Черного моря[15]. Важно отметить, что материалы британских архивов по внешней политике англичан XIX века до сих пор засекречены для историков. Подавляющее большинство исследователей полагают, что эти материалы могли бы существенно пролить свет на роль английских агентов в истории Кавказской войны.
Осенью 1837 года в порту Фицци, который располагался в 35 милях западнее от Трапезунда, был замечен английский торговый корабль, который перевозил большое количество боеприпасов из Англии. В то же время в Геленджике с разведывательной миссией высадились английские офицеры: капитан Марини и лейтенант Иддо. По русским данным они прибыли на Кавказ именно на этом корабле. Вместе с англичанами прибыл и поляк Пашинский из числа эмигрантов. Говоря о поляках, следует отметить, что пребывание таковых на Кавказе наравнее с англичанами также было не редкостью. Русские солдаты и офицеры во время боев с горцами неоднократно слышали команды отдаваемые на польском языке. Тайная разведывательная экспедиция вышеуказанных английских офицеров любопытна тем, что они занимались на Кавказе деятельностью далекой от разжигания пламенного желания «священной войны» среди горцев. Эти офицеры Великобритании по всей видимости обладали соответствующим уровнем знаний в геологии и занимались изучением запасов природных ресурсов Кавказа. Лейтенант Иддо увез в Англию образцы найденных им на Кавказе серы, свинцовых и других руд. Этот факт в очередной раз доказывает, что непомерные колониальные аппетиты и планы британцев были устремлены на Кавказ и территорию Черкесии. Они воспринимали этот регион как одну из потенциально возможных колоний. Также подробные знания о качестве руд и местах из залегания позволило бы наладить военное производство вооружений прямо на месте, что существенно облегчало бы ведение боевых действий.

Как уже отмечалось ранее в 1830-е годы по мере своего продвижения на юг параллельно береговой линии Черного моря, Россия ввела картинные меры для иностранных кораблей, могущих потенциально участвовать в контрабанде оружием и другими припасами с горцами. С 4 марта 1832 года император Николай I утвердил инструкцию для черноморских военных крейсеров, в которой указывалось, что «*Для сохранения российских владений от внесения заразы* (имеется в виду русофобская идеология и радикальный исламизм – М.В.) *и воспрепятствования подвоза военных припасов горским народам, военные крейсеры будут допускать к черноморскому восточному берегу иностранные коммерческие суда только к двум пунктам – Анап и Редут-Кале, в коих есть*

карантин и таможни, к прочим же местам сего берега приближение оным запрещается»[16]. О чем была извещена Турция и прочие заинтересованные державы. В результате, уже в этом же году русским кораблями были арестованы и конфискованы 16 кораблей, перевозивших контрабанду на Кавказ[17]. Примечателен и тот факт, что о контрабандных поставках оружия европейскими державами были хорошо осведомлены не только политики, но и многие общественные деятели и писатели. Так, например Карл Марс писал в своих работах, что Российская империя смогла бы реализовать свои права на «*северо-западные области Кавказа лишь в том случае, если бы ей удалось блокировать восточное побережье Черного моря и отрезать подвоз оружия и боевых припасов к этим областям*»[18].

Сам Черноморский флот у англичан не вызывал особых опасений в военном плане. Еще в конце 1820-х годов британские разведчики исследовали Николаев и Севастополь и пришли к выводу о низком качестве русского военного судостроения, а отсутствие в главной базе флота сухого дока исключало возможность проведения ремонта подводной части кораблей. В тоже время постоянное пребывание русских кораблей у восточного побережья Черного моря, существенно затрудняло подвоз мятежным горцам необходимых материалов. Однако британцы не оставляли систематических попыток проскользнуть мимо патрулирующих акваторию русских кораблей и добраться до Черкесии с запрещенными грузами. Зачастую английские корабли выполняли несколько задач одновременно. Помимо доставки вооружения на Кавказ, англичане параллельно проводили разведку, замеры глубин, составляли точные карты очертания местности, отмечая на них места расположения русских крепостей и баз, стремились проводить активную идеологическую работу среди горцев. 3 августа 1834 года у Суджук-Кале русскими крейсерами была перехвачена британская военная яхтуа «Тюркуаз», входившая в состав Средиземноморской эскадры. Её капитан на допросе откровенно признал, что занимался проведение разведывательной деятельности и исследованием берегов Кавказа и Анатолии, а также зарисовкой русских прибрежных укреплений. Информация, полученная от русской разведки, подтвердила контакта англичан с этого корабля с вождями черкесов[19].

С середины 1830-х годов контроль над побережьем усилился, постоянное крейсирование русских кораблей сделало практически невозможным контрабанду в этом регионе. По данным британского консула в Одессе, только в 1835 году количество уничтоженных или захваченных судов контрабандистов составило около 50 единиц. В связи с этим англичане изменили тактику своих действий. По-прежнему официально не признавая

права России на территории Западного Кавказа, британские агенты стали готовить провокации с последующим нагнетанием международного скандала. Так, в мае 1835 года в девяти милях от Геленджика русским сторожевым судном была задержана английская шхуна «Лорд Спенсер», которая подозревалась в перевозе оружия, за что и была конфискована Россией. Это событие вызвало в английской прессе мощную волну критики и анитирусской истерии. В этом же году хорошо нам известный первый секретарь британского посольства в Константинополе Дж. Уркарт опубликовал в Англии книгу под названием «Англия, Франция, Россия и Турция»[20], в которой весьма громко и бездоказательно приписывал Петербургу коварные планы по захвату Константинополя, Турции и аннексии Персии. Что любопытно, эта книга переиздавалась трижды в течение одного года, что говорит о серьезном государственном заказе на издание. В этой книге были реанимированы подзабытые идеи Дж. де Ласи. Вновь безапелляционно утверждалось, что притязания России на Кавказ, это первый шаг по завоеванию ею Индии. И вновь британская общественность это охотно восприняла. А единственным барьером, способным сдержать русскую агрессию и, следовательно, обезопасить интересы Великобритании, является гордый народ Черкесиии. Помимо разжигания русофобии внутри британской общественности, информация была ориентирована и на французскую дипломатию. Склонить французское правительство на свою сторону, подтолкнуть его к антирусской коалиции было бы для англичан лучшим итогом решения кавказского вопроса. И в определенной мере им это тоже удалось. Известно, что король Луи Филипп, заинтересовался книгой Дж. Уркарта и принимал его у себя. На этой встрече французский монарх уверял английского представителя, что Франция окажет энергичную поддержку усилиям Англии, направленным против России[21]. Когда информационная почва была подготовлена в 1836 году Дж. Уркарт приступил к осуществлению одной из самых известных своих провокаций на Кавказе. В ноябре от Турецких берегов в направлении русских территориальных вод вышла английская шхуна «Виксен» с оружием на борту. Перед владельцем шхуны Джоном Беллом была поставлена задача двигаться именно в Суджук-Кале, где встреча с русскими крейсерами была практически неминуема. Англичанину рекомендовалось ни в коем случае не избегать такой встречи, а напротив, изобразив небольшое сопротивление, сдаться русским кораблям. Известно, что в подготовке провокации помимо британского посольства в Турции приняла активное участие группа польских эмигрантов в лице сторонников князя Адама Чарторыского. По всей видимости, в некоторые детали операции был посвящен и турецкий султан, которому англичане обещали всемерную помощь и поддержку, если он

перестанет вести себя «как вассал русского царя». В процессе подготовки операции английский посол в Константинополе лорд Понсонби вёл переговоры с князем Сефер-беем, который прибыл в Константинополь в качестве уполномоченного старшин двенадцати кавказских племён для переговоров с турецким правительством и английскими представителями[22]. 12 ноября 1836 года эскадрой русских кораблей было замечено в море неизвестное двухмачтовое судно, в погоню за которым устремился русский военный бриг. Капитану русского корабля был отдан приказ задержать нарушителя и доставить его в Геленджик, а в случае сопротивления применить военную силу. Из-за сложной метеорологической обстановке на море и шторма русским морякам удалось нагнать английское судно только на вторые сутки погони. К этому времени контрабандисты уже успели пришвартоваться к берегу Суджук-Кале и разгрузить часть своего корабля, передав груз горцам. По данным бежавшего из плена русского солдата, всего было переправлено 4 трёхфунтовых и 4 шестифунтовых орудия, 200 бочонков пороха по 4 пуда и значительное количество холодного и огнестрельного оружия[23]. Оружие, к сожалению, перехватить не удалось и оно ушло в руки черкесов. Зато при обыске на борту «Виксена» было обнаружено около 100 тон соли, ввоз которой по законам того времени был под запретом и считался военной контрабандой[24]. Английское судно было отправлено в Геленджик, а затем в Севастополь, где подлежало конфискации и вошло в состав вспомогательного флота России. Именно такое развитие событий и было необходимо англичанам. Замысел провокации исходил из того, что при любом развитии событий её организаторы извлекали положительный результат. Если корабли с контрабандой оружия беспрепятственно достигал русских берегов, то в руки мятежных горцев попадала значительная партия оружия, а Англия могла заявить, что русские не способны контролировать территории на которые претендуют. Если корабли был бы задержан русскими моряками, можно заявлять протест и раздувать скандал международного масштаба. На преднамеренность действий англичан указывал французский консул в Одессе, который в своем письме в Париж указывал, что *«…некоторые лица даже из высших кругов общества предполагают, что захваченное у берегов Черкесии судно было умышленно туда направлено лордом Понсонби, а следовательно, и английским правительством с целью решительно и остро поставить вопрос о блокаде и пересмотреть его. Верить этому даёт повод выбранное англичанином место побережья для выгрузки своих товаров, потому что как раз между Суджук-Кале и Геленджиком находились военные суда, ускользнуть от которых не было никакой возможности»*[25]. Сами англичане также не скрывали своих провокационных замыслов относительно этого корабля. В то время когда «Виксен» уже был арестован, английская газета «Morning Chronicle»

публиковала сообщение о том, что «*Шхуна "Виксен"... отплыла из Константинополя с инструкцией прорвать... блокаду, установленную Россией у берегов Черкессии... Груз судна состоит главным образом из пороха… тем более это высоко оценивается с точки зрения решительного характера экспедиции*»[26].
После ареста английского судна, пресса Великобритании явно по четкому приказу свыше взорвалась шквалом гневных публикаций русофобского характера. Писалось о том, что русское правительство бросило на Кавказ многочисленные корпуса войск, что боевые потери русских превышают 1 миллион человек. Таким образом формировалось общественное мнение англичан, а затем и всех европейцев в поддержку создания черкесского независимого государства и необходимости объединения сил Европы для вмешательства во внутренние дела России на Кавказе. Говоря о роли прессы в общественно-политической жизни Англии того времени, важно обратить внимание на тот факт, что любое ухудшение англо-русских отношений непременно сопровождалось соответствующими изменениями общественного мнения. Газеты и журналы моментально раздували самые острые русофобские настроения среди англичан, традиционно пропагандируя идею «русской опасности» для Индии. Лорд Дж. Пальмерстон лично принимал активное участие в формировании британского общественного мнения, используя его в качестве идеологического прикрытия для своего внешнеполитического курса. Так, руководитель британской дипломатии имел тесные контакты с редакциями таких крупных изданий, как «Глоуб», «Курир», «Обсервер», «Морнинг Кроникл» и др., писал для них передовицы, иногда заказывал статьи нужного ему содержания, используя деньги из секретных фондов. Бывали случаи, когда министр иностранных дел использовал в своих интересах газету «Тайме», которая в те годы больше ориентировалась на его политических противников[27]. Однако когда речь шла о раздувании русофобских интересов политические и идеологические разногласия уходили на второй план, и британская пресса была единодушна в своих публикациях о России. Накал страстей достиг таких пределов, что начались дебаты в палате общин, в процессе которых открыто утверждалось, что арест шхуны «Виксен» является пиратским набегом русских во время того как черкесские чиновники (!) обсуждали с хозяином шхуны размер пошлины, а консервативная оппозиция английского парламента поставила вопрос о международном статусе Черкесии. Антирусская истерия в Англии 1836 и 1837 годов приобрела настолько серьезный накал, что Николай I был вынужден отдать приказ о приведении армии и флота в боевую готовность, а кораблям Черноморского флота готовиться к обеспечению переброски десанта в Черноморские проливы. В марте 1837 года в Кронштадте были проведены массовые

артиллерийские учения, которые инспектировал сам император. Однако объявлять войну России в одиночку Лондон никогда бы не посмел, поэтому английские дипломаты активно искали себе союзников в Европе. Для облегчения их работы антирусская истерия и публицистическая русофобия моментально проявилась во Франции. Так, правительственная газета «Журналь де Деба», издаваемая в Париже, подчеркивала серьезное положение, создавшееся в связи с захватом «Виксена» и подхватила опубликованные в немецкой прессе статьи, предупреждавшие о возможности превращения Черного моря в «Московское озеро» и выражало опасение в связи с возникшей угрозой мирового конфликта. Газета сожалела о «преступном» равнодушии, проявленном на Западе в период заключения Адрианопольского договора, на статьях которого основывались претензии России. Указывалось, что уступка Турцией черкесского побережья не имела никакого юридического основания, и что Европа, по сути дела, была обманута. Другое французское издание «Ле Насьональ», резко поменяло свои взгляды относительно провокации с «Виксеном» и стало призывалась к интервенции западных держав на Кавказ. Говоря о борьбе горцев, это издание писало, что «*европейским государям следовало бы вмешаться, чтобы прекратить эту кровопролитную войну*»[28]. И все же не смотря на все старания британцев подтолкнуто Европейских монархов в крестовому походу против России в 1837 году не удалось. Уже в апреле этого года стало понятно, что большая война откладывается, Лондон резко сбавил обороты информационного и дипломатического давления на Россию. Министр иностранных дел Англии Д. Пальмерстон заявил о том, что британское правительство отрицает принадлежность Черкесии России де-факто, но не оспаривает власть Петербурга над Анапой, Поти и Суджук-Кале, где и состоялся арест британского судна. Дело «Виксена» забыли также быстро, как оно и разгорелось в прессе. Непримиримый русофоб Дж. Уркарт был отозван из Турции. Другой провокатор агент британской разведки Дж. Белле в 1837 году сумел осуществить еще одну поставку оружия черкесам, но в этот раз ему удалось избежать ареста. По возвращению домой официальный Лондон отказался от признания его на государственной службе. Однако по возвращению в Англию у Дж. Белла моментально проявился публицистический талант. Очень скоро в свет вышла его книга мемуаров под названием «Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838 и 1839 годов»[29]. Сопровождаемое богатыми иллюстрациями издание вышло в 1840 году. В своей книге автор аккуратно сгладил все нелицеприятные черты черкесской реальности в виде работорговли и кровавых междоусобных войн,

зато отчаянно изобличалась Россия как жестокий агрессор, подавляющий свободолюбивых жителей Кавказа.
Разыгранный скандал с арестованным «Виксеном» стал последней крупной попыткой англичан отправлять свои суда с оружием и боеприпасами в Черкесию. Со второй половины 1830-х годов кавказским горцам оружие припасы стали поставляться через Константинополь и порты Анатолийского берега, на мелких турецких кораблях[30]. В тоже время, активная деятельность английских эмиссаров на Кавказе сильно взволновала горцев и привела к очередной волне их повстанческой активности. Спустя много лет на одном из выступлений перед английскими лордами Дж. Пальмерстон торжественно заявил: *«...и, скажу с вашего позволения, мы их* (черкесов – М.В.) *использовали сполна»*[31].
Продолжение следует.

Литература:

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974.
2. Айрапетов О.Р. «Поставим на своем без драки...». Дело «Виксена» и большая игра на Кавказе // Родина. 2008. № 7. С. 52 – 57.
3. Айрапетов О.Р. Навстречу русско-британскому кризису на Черном море. URL: https://regnum.ru/news/polit/2138146.html (дата обращения 13.05.2020 г.).
4. Англо-русский инцидент со шхуной «Виксен» (1836–1837 гг.) // Красный архив. Т. 5. 1940.
5. Басиева З.М. Польская эмиграция и Восточный вопрос // Символ науки. 2015. № 8. С. 69-70.
6. Басиева З.М. Роль Дауд-бея Уркарта в обострении черкесского вопроса в 1833 – 1837 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4. С. 19 – 22.
7. Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. № 1.
8. Берзедж Н. Изгнание черкесов (причины и последствия). Майкоп, 1996.
9. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.

10. Бриг Д. Как русская эскадра султана спасала. Босфорская экспедиция 1833 г. // Военное обозрение. URL: https://topwar.ru/101201-kak-russkaya-eskadra-sultana-spasala-bosforskaya-ekspediciya-1833-g.html (дата обращения 10.05.2020 г.).
11. Британские идеологи русофобии XIX века. Битва за Кавказ URL: https://www.russiapost.su/archives/44168 (дата обращения 10.05.2020 г.).
12. Бушуев С.К. Англо-русский инцидент со шхуной «Виксен» (1836-1837 гг.) // Красный архив. Исторический журнал. Т. 5. 1940.
13. Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течении 1837-1839 годов. Том 2. Нальчик, 2007. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Bell/pril.htm (дата обращения 11.05.2020 г.).
14. Васильев М.В. Борьба за Кавказ. Часть 1. Начало конфликта // Архонт. 2020. № 3. С. 64 - 76.
15. Васильев М.В. Большая игра. Уроки геополитики. СПб., 2019.
16. Васильев М.В. Геополитика Российской империи XIX — начала XX веков. Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2020.
17. Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.
18. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX вв. М., 1978.
19. Жолудов М.В. К вопросу о геополитических противоречиях между Россией и Великобританией накануне Крымской войны (1853 – 1856 гг.) // Псковский военно-исторический вестник. 2015. № 1. С. 97 – 100.
20. Жолудов М.В. Русофобия в политической деятельности лорда Пальмерстона // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2017. № 2. С. 100 – 106.
21. Зыкин Д. Кавказ: Британия против России, исторические параллели // Военное обозрение. URL: https://topwar.ru/93104-kavkaz-britaniya-protiv-rossii-istoricheskie-paralleli.html (дата обращения 10.05.2020 г.).
22. Из истории происков иностранной агентуры во время кавказских войн // Вопросы истории. 1950. № 11.

23. История дипломатии. Том I. Раздел 4. Гл. 7. От июльской революции во Франции до революционных переворотов в Европе 1848 г. (1815—1830 гг.). М., 1941.
24. Кавказская война 1817 – 1864. Российские генералы кавказской войны. URL: https://danger4you.ru/goiter-thyroid/kavkazskaya-voina-1817-1864-rossiiskie-generaly-kavkazskoi/ (дата обращения 10.05.2020 г.).
25. «Картины света» Энциклопедический живописный альманах на 1836 год. М., 1836.
26. Лазарев М.П. Документы. Т. 2. М. 1955.
27. Леонтьев М. Большая игра. Британская империя против России и СССР. М.-СПб., 2012.
28. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 9. М., 1957.
29. Народы Северного Кавказа в европейской культуре и общественном сознании (историографические и источниковедческие аспекты). Часть I. Мишель Лезюр. Франция и Кавказ в эпоху Шамиля в свете донесений французских консулов. Нальчик, 2015.
30. Тарле Е.В. Крымская война. Т. 1. М.; Л., 1950.
31. Фадеев А.В. Кавказ в системе международных отношений 20-50-е годы XIX в. М., 1956.
32. Федосеева Л.Д. Английская агентура на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 1. С. 58-63.
33. Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М., 2004.
34. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документов и материалов. Тбилиси, 1953.
35. Шнюков Е.Ф., Митин Л.И. Опасное Чёрное море. Киев, 2000.
36. L'Angleterre, la France, la Russie et la Turquie. Le Doyen. 1835.

1 Кавказская война 1817 – 1864. Российские генералы кавказской войны. URL: https://danger4you.ru/goiter-thyroid/kavkazskaya-voina-1817-1864-rossiiskie-generaly-kavkazskoi/ (дата обращения 10.05.2020 г.).
2 *Басиева З.М.* Польская эмиграция и Восточный вопрос // Символ науки. 2015. № 8. С. 69-70; *Зыкин Д.* Кавказ: Британия против России, исторические параллели // Военное обозрение. URL: https://topwar.ru/93104-kavkaz-britaniya-protiv-rossii-istoricheskie-paralleli.html (дата обращения 10.05.2020 г.).
3 *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 151; *Бриг Д.* Как русская эскадра султана спасала. Босфорская экспедиция 1833 г. // Военное обозрение. URL: https://topwar.ru/101201-kak-russkaya-eskadra-sultana-spasala-bosforskaya-ekspediciya-1833-g.html (дата обращения 10.05.2020 г.).
4 История дипломатии. Том I. Раздел 4. Гл. 7. От июльской революции во Франции до революционных переворотов в Европе 1848 г. (1815—1830 гг.). М., 1941.
5 *Фадеев А.В.* Кавказ в системе международных отношений 20-50-е годы XIX в. М., 1956. С. 7.
6 *Леонтьев М.* Большая игра. Британская империя против России и СССР. М.-СПб., 2012.
7 *Хопкирк П.* Большая Игра против России: Азиатский синдром: Рипол Классик; М.; 2004.
8 Британские идеологи русофобии XIX века. Битва за Кавказ URL: https://www.russiapost.su/archives/44168 (дата обращения 10.05.2020 г.).
9 *Бэлл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течении 1837-1839 годов. Том 2. Нальчик, 2007. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Bell/pril.htm (дата обращения 11.05.2020 г.).

10 *Басиева З.М.* Роль Дауд-бея Уркарта в обострении черкесского вопроса в 1833 – 1837 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4. С. 19 – 22.
11 Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документов и материалов. Тбилиси, 1953.
12 *Федосеева Л.Д.* Английская агентура на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 1. С. 58-63.
13 Британские идеологи русофобии XIX века. Битва за Кавказ URL: https://www.russiapost.su/archives/44168 (дата обращения 10.05.2020 г.).
14 *Шнюков Е.Ф., Митин Л.И.* Опасное Чёрное море. Киев, 2000.

15 Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX вв. М., 1978. С. 186.
16 *Лазарев М.П.* Документы. Т. 2. М. 1955. С. 209.
17 *Айрапетов О.Р.* «Поставим на своем без драки…». Дело «Виксена» и большая игра на Кавказе // Родина. 2008. № 7. С. 52 – 57.
18 *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1957. Т. 9. С. 410.
19 *Айрапетов О.Р.* Навстречу русско-британскому кризису на Черном море. URL: https://regnum.ru/news/polit/2138146.html (дата обращения 13.05.2020 г.).
20 L'Angleterre, la France, la Russie et la Turquie. Le Doyen. 1835.
21 Народы Северного Кавказа в европейской культуре и общественном сознании (историографические и источниковедческие аспекты). Часть I. Мишель Лезюр. Франция и Кавказ в эпоху Шамиля в свете донесений французских консулов. Нальчик, 2015. С. 123.
22 Из истории происков иностранной агентуры во время кавказских войн // Вопросы истории. 1950. № 11.
23 *Айрапетов О.Р.* «Поставим на своем без драки…». Дело «Виксена» и большая игра на Кавказе // Флот – XXI век. URL: http://blackseafleet-21.com/news/21-11-2013_postavim-na-svoem-bez-draki-delo-viksena-i-bolshaja-igra-na-kavkaz (дата обращения 13.05.2020 г.).
24 *Тарле Е.В.* Крымская война. М.; Л., 1950. Т. 1; *Бушуев С.К.* Англо-русский инцидент со шхуной «Виксен» (1836-1837 гг.) // Красный архив. Исторический журнал. 1940. Т. 5; *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.
25 Англо-русский инцидент со шхуной «Виксен» (1836–1837 гг.) // Красный архив. 1940. Т. 5 . С. 195.
26 «Картины света» Энциклопедический живописный альманах на 1836 год. М., 1836.
27 *Жолудов М.В.* Русофобия в политической деятельности лорда Пальмерстона // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2017. № 2. С. 100 – 106; Он же. К вопросу о геополитических противоречиях между Россией и Великобританией накануне Крымской войны (1853 – 1856 гг.) // Псковский военно-исторический вестник. 2015. № 1. С. 97 – 100.
28 Народы Северного Кавказа в европейской культуре и общественном сознании (историографические и источниковедческие аспекты). Часть I. Мишель Лезюр. Франция и Кавказ в эпоху Шамиля в свете донесений французских консулов. Нальчик, 2015. С. 13 – 14.
29 Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974.
30 *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. № 1.

31 *Берзедж Н.* Изгнание черкесов (причины и последствия). Майкоп, 1996.

БОРЬБА ЗА КАВКАЗ. ЧАСТЬ III. ИМАМАТ ШАМИЛЯ

Twitter VK Odnoklassniki Blogger LiveJournal Email Print Share

Шамиль сдается в плен. Художник Теодор Горшельт.

01.02.2021

Россия

Максим Васильев

Геополитическое противостояние великих держав на Кавказе в 1830-е годы характеризуется тем, что России удалось взять под контроль восточное черноморское побережье и прочно установить там свою власть, а англичане сумели проникнуть в горные районы и сформировать там мощную систему разведки и шпионажа. За несколько лет активной работы, Д. Уркарт создал специальную группу английских шпионов по Кавказу, в которую входили Дж. Белл, Д. Лонгворт, Найт. Эти люди долгое время жили на территории Кавказа и хорошо знали его обычаи и специфику. С 1835 года в этой команде активно

работал майор В. Сэрл, которому вменялось заниматься созданием черкесской кавалерии и обучением её европейским методам войны. В конспиративных целях им присваивались мусульманские имена и вымышленные титулы: Дж. Белл числился как Якуб-бей, Д. Лонгворт – Алсид-бей, Найт – Надир-бей. Через английского посла в Турции они получали конкретные инструкции британского правительства по созданию из горских князей полноценного местного правительства под покровительством Англии. Однако собрав ценные разведданные, и постоянно вызывая восстания в среде черкесов, достичь главной цели на Кавказе данной группе английских шпионов так и не удалось. К началу 1840-х годов Россия сумела прочно закрепить за собой восточное побережье Черного моря.

После того, как Д. Уркарт был отозван в Лондон его антирусская деятельность активно проявилась в издании на английском и французском языках журнала, носившего достаточно длинное название «Портфолио или собрание государственных документов и т. д., и т. д., иллюстрирующих историю нашего времени». Деятельность данного издания была тесно связана с британской разведкой и правительством. Именно в Англии изобрели такое оружие информационного давления на своего противника как публикация дипломатических документов. Первоначально это осуществлялось фрагментарно на страницах английских газет, теперь же этому был посвящен целый журнал. Публикуемые на страницах «Портфолио» материалы принадлежали другим государствам и особенно России и носили секретный характер. Их появление в руках британской стороны было во многом случайным, но последствия обнародования могли серьезно повлиять на британо-российские отношения. Достаточно большой объем документации, предоставленной британцами, был связан с деятельность польских эмигрантов. Так в первой половине 1830-х годов участники и руководители польского восстания привезли с собой архивы, захваченные в 1830 году из резиденции князя Константина Павловича. Большой объем среди этих документов составляла секретная переписка российских послов за рубежом с российским МИД по широкому кругу вопросов за период с начала XIX в. и до конца 1820-х годов. По инициативе А. Чарторыйского эти документы были переданы британскому министру иностранных дел Дж. Пальмерстону и хранились в архивах Лондона до необходимого момента. Главный лейтмотив данной публикации документов заключается в том, что бы убедить европейского читателя, что у России имеются далеко идущие планы в отношении Константинополя и Проливов. В очередной раз в Европе создавался образ агрессивной России, готовой расширить свое военное и политическое присутствие на Кавказе и Азии и приблизится к британскими

владениями. Откровенные рассуждения дипломатов, содержавшиеся в опубликованной переписке, способствовали появлению подозрений относительно дальнейших планов Санкт-Петербурга на чувствительных для Британии персидском и индийском направлениях. Среди аналитических и документальных материалов важное место занимали статьи, посвященные внешней политике Российской империи в Дунайских княжествах и на Кавказе[1]. Этот журнал стал новым рычагом давления англичан на своих конкурентов в большом геополитическом противостоянии.
В силу того, что в 1830-е годы основные силы и внимание русских войск было приковано к Западному Кавказу и направлено на усмирение Черкесии и предотвращению проникновения туда английских агентов и контрабанды, Восточный Кавказ этим незамедлительно воспользовался. При активном участии имама Шамиля на территории Чечни и Дагестана продолжал активно насаждаться мюридизм и культивироваться идея религиозной войны с неверными. За десятилетие Шамилю удалось создать своеобразное подобие государственности, основанной на деспотическом, централизованном управлении, радикальных религиозных верованиях и тотальном страхе кровной мести.

> *Под властью Шамиля были объединены все племена горных районов Восточного Кавказа и уже не могли действовать самостоятельно. Если некое племя замирилось бы с Россией или его представители хотя бы приступили к переговорам с русским военным командованием, оно было бы непременно уничтожено имаматом.*

Кавказское сопротивление мюридов могло закончиться намного раньше, еще в 1837 году, когда русский император Николай I посещал свои Закавказские владения. Известно, что в это время в окрестностях аула Гимры произошла встреча имама с австрийским дворянином на русской службе генералом Клюки фон Клюгенау. Русский представитель предлагал лидеру кавказских повстанцев воспользоваться приездом русского императора и отправиться в Тифлис для встречи с ним. В официальной инструкции имаму Шамилю предлагались следующие гарантии: «*Император возвеличит его [Шамиля], окажет ему почет, сделает управляющим делами всех дагестанских мусульман*»[2]. Эти обещания зафиксировал в своей «Хронике» биограф Шамиля Мухаммад-Тахир аль-Карахи. Таким образом, Шамилю предлагался вариант не почетного плена, а достойного сотрудничества на общее благо русских и кавказцев. В ходе беседы имам попросил предоставить ему некоторое время для размышлений, однако спустя пару дней русскому представителю было заявлено, что Шамиль в Тифлис ехать отказывается из-за недоверия к русским

и их гарантиям. Ряд исследователей указывали на небольшой инцидент, который якобы повлиял на решение имама. После переговоров генерал К. Клюгенау и Шамиль протянули друг другу руки, тут вмешался наиб Ахвердил Магомы схвативший Шамиля за рукав с криком «Не подобает имаму правоверных подавать руку кяфиру». Безусловно данный факт имел эмоциональное воздействие на имама в принятии решения, но следует так же учесть и то, что временную отсрочку Шамиль брал для того, что бы переговорить со своими советниками. Были ли среди них агенты или лица, завербованные иностранными государствами, нам неизвестно, однако отрицать вероятности такового нельзя. Скорее всего, в историческом решении Шамиля 1837 года соединилось множество факторов: религиозный фанатизм и влияние окружения мюридов, а также, желание быть единоличным правителем Кавказа. А в этом желании его несомненно поддерживали английские и турецкие агенты, привозившие оружие и упорно разжигавшие идеи войны против русских. Именно в этих целях Шамилю был обещан со стороны Турции титул короля закавказского[3]. Также, он официально получил от Порты почетное звание генералиссимуса Черкесской и Грузинской армий.

Несмотря на отрывочные факты контактов Шамиля с представителями иностранных европейских государств, которые имели место быть, следует отметить, что в 1830-1840-е годы, имамат действовал против России в основном самостоятельно и обходился собственными силами. В этот период мы не увидим в архивных документах прямых указаний на крупные поставки вооружений из-за границы или прибытия большого количества иностранных агентов. Хотя Англия и Турция, бесспорно, пытались взять под свой контроль и восточную часть сопротивляющегося Кавказа, но особого успеха в этом деле они не имели. В первую очередь это было связано с личностью самого имама Шамиля, нежелающего идти на сделку с иностранцами, тем самым попадая в зависимость от их политики. Жестокий режим управления и практически ничем неограниченные полномочия имама позволили на определенный период сплотить жителей горного Дагестана и Чечни и мобилизовать человеческие и экономические ресурсы для борьбы против русских войск. В отличие от Черкесии горцы Шамиля были более сплочены, а их действия хорошо организованы. Войско Шамиля имело неплохое вооружение и снабжение. У имамата было налажено собственное производство холодного и огнестрельного оружия, пороха, а в более поздний период сопротивления даже собственной артиллерии. Технологиями производства с повстанцами активно делились дезертиры, бежавшие из русской армии, в числе которых было много поляков. Перебежчики активно обучали горцев артиллерийскому

делу, отливали им пушки и ядра, делали гранаты, конгриевые ракеты, лафеты и зарядные ящики, чинили различные механические приборы. Они же построили для имама дом по европейскому образцу, поставили пороховой завод и ткацкую фабрику. Известно, что польских дезертиров в войске Шамиля, так же как в Черкесии курировал из Франции А. Чарторыйский[4]. Шамилю удалость создать некое подобие государственности с её налоговой и бюджетной политикой. Помимо всевозможных пожертвований и военных трофеев, полученных в боях с русскими войсками, грабительских набегов на соседние территории, имамату удалось наладить устойчивую систему податей и сборов с подконтрольных регионов Кавказа. Также существовали штрафы, таможенные пошлины, выкупы за пленных. Все это составляло достаточно большие финансовые средства, что позволяло Шамилю вести самостоятельную политику по сравнению с черкесами. Более того, в отличие от территорий черноморского побережья Кавказа, куда агентам Англии было намного проще добраться и доставить контрабанду, места базирования Шамиля лежали в удаленных и труднодоступных районах горного Кавказа.
В начале 1840-х годов имам Шамиль воспользовавшись благоприятной ситуацией приступил к активным наступательным действиям на Кавказе, на время даже перехватив стратегическую инициативу. Так, в 1843 году ему удалось занять Аварию и Койсубу, а затем расширить свое влияние по всему Дагестану, захватывая крепости и уничтожая отдельные русские отряды. Несколько раз, горцы пытались взять под свой контроль Веоенно-грузинскую дорогу, но особого успеха не имели. Весной 1846 года Шамиль предпринял усилия объединиться с повстанцами Западного Кавказа. Достаточно мобильно девять тысяч его воинов переправились на левый берег Терека и расположились в селах кабардинского владыки Мухаммед-Мирзы Анзорова. Имам рассчитывал на поддержку адыгов, но его ждало горькое разочарование – ни адыги, ни кабардинцы на соединение с войсками Шамиля не пошли. В результате войско имамата было вынуждено отступить обратно в Чечню. Во второй половине 1840-х годов русское командование в Чечне и Дагестане отказалось от прямого проникновения в горные районы Кавказа, что приводило к большим и необоснованным потерям и приступило к зажиманию этих территорий в единое кольцо крепостей, и кордонов. Было завершено строительство чеченской оборонительной линии, активно прорубались просеки в лесистых районах. В 1852 году новый начальник левого фланга русских войск генерал-адъютант князь А.И. Барятинский выбил воинственных горцев из ряда стратегически важных селений Чечни. Сторонники Шамиля оказались вновь зажаты в горных районах Дагестана. Однако борьба с горцами сильно отвлекала Россию и требовала держать на

Кавказе огромные силы. Борьба с имаматом сковывала русскую армию, так в период с 1854 по 1856 годы на Кавказе располагалось 270 тысяч русских солдат и офицеров из которых только 70 тысяч использовались против Турции во время войны, а оставшиеся силы были рассредоточены по территории Чечни, Дагестана и Черкесии и пассивно пребывали в крепостях[5]. Двухсоттысячная русская армия так и не была использована во время Крымской войны из-за угрозы территориального отторжения Кавказа.

> *В первой половине 1850-х годов распространение мюридизма, как и авторитет имамата резко пошел на спад, что было связано не только с успехами русских войск, но и политикой самого Шамиля. Управление в стиле восточного деспота все больше раздражало горцев, а на место вырезанной Шамилем старой знати, пришла новая, уже не нуждающаяся в прежнем имаме.*

К началу 1850-х годов дело Шамиля логически подходило к закату, но изменение международной обстановки резко изменило ситуацию. Начавшаяся Крымская война вновь всколыхнула воинственных горцев, а иностранным державам теперь понадобился несговорчивый имам. Именно от активных действий войск имама Шамиля, по мнению западных держав и Турции, во много завил ход и результат боевых действий. Если активная борьба горцев продолжится, тогда русская армия будет вынуждена удерживать огромные массы войск на Кавказе и не использует их на других театрах военных действий. Именно поэтому периодическая печать ряда европейских держав вновь запестрела громкими заголовками об освободительной борьбе горцев Кавказа. Если английская, и французская печать и до этого много писала о борьбе горцев, но в основном уделяла внимание Черкесии, то теперь европейский читатель узнал о Чечне, Дагестане и её имаме Шамиле. Европейскому читателю был представлен новый герой кавказских гор. Так пресса отмечала, что «*Кавказ – это вавилонская башня фанатизма, для удаления русских с Закавказья необходимо западным цивилизаторам подать руку помощи кавказскому пророку и, подчинив все Закавказье Турции, поставить над ними валия – султанского наместника в лице Шамиля*»[6]. Для усиления информационного воздействия была опубликована книга Ф. Вагнера «Шамиль и Черкесия», в которой продолжались обыгрываться идеи Уркарта и давалась подробная характеристика горцев Кавказа. Вновь подчеркивалось их особая роль в судьбе Европы и обеспечении её безопасности.

Началась и активная работа с самими народами Западного и Восточного Кавказа. Так, еще на кануне крупных военных действий к имаму Шамилю прибыло 40 англо-турецкий эмиссаров для согласования совместных действий

в борьбе с Россией, о чем докладывал русский генеральный консул в Тавризе Н.А. Аничков[7]. Ожидание войны и прибытие иностранных агентов, привело горцев в сильное возбуждение, многие непримиримые противники России видели в Крымской войне возможность вытеснить русских из региона и распространить зону имамата. Поверив обещаниям английских и турецких посланников, Шамиль в 1853 году дал свое согласие на начало активных боевых действий. В последующем сам Шамиль так изложил свою версию этих событий. «*В самом начале Крымской войны он получил предложение приготовиться к встрече союзных войск в Имеретии. Известив о своем согласии, Шамиль сразу же приступил к реализации своего плана...»****[8]****.* В 1854 году в соответствии с договоренностями с командующим турецкой анатолийской армии, Шамиль вторгся в Кахетию. Предполагалось нанести с двух сторон удары по русскому корпусу в Грузии, но, узнав о приближении русских отрядов, Шамиль снова отступил в Дагестан. Турки же потерпели поражение и были отброшены с Кавказа. 1854 год на Кавказе стал переломным в пользу России. А на Западе продолжалась активная информационная пропаганда борьбы кавказских народов. Активно транслировалась идея необходимости совершения европейского похода на Кавказ по аналогии с высадкой военного десанта на Крымский полуостров. В большом количестве издавались брошюры и памфлеты, посвященные данной проблеме. Например, брошюра Л. Олифанта «Черноморское побережье» издавалась четыре раза подряд. В этой книжке автор призывал правительство активно бороться с Россией и использовать в этой борьбе народы Кавказа. Характеризуя цели Англии в этой войне в марте 1854 года, премьер-министр Великобритании лорд Пальмерстон писал: «*Моя заветная цель в войне, начинающейся против России, такова: Аландские острова и Финляндию отдать Швеции; часть остзейских провинций России у Балтийского моря передать Пруссии; восстановить самостоятельное королевство Польское как барьер между Германией и Россией. Валахию, Молдавию и устье Дуная отдать Австрии, Крым, Грузию отдать Турции, а Черкесию либо сделать независимой, либо передать под суверенитет султана*»[9]. Газета «Таймс» в те времена открыто писала, что «граница России на Кавказе должна проходить к северу от Терека и Кубани». По ходу Крымской войны западные политики уже планировали новый миропорядок, отменяющий ряд предыдущих международных договоров. Любопытно, что на протяжении 1854 – 1855 годов в газетах США и Европы К. Маркс и Ф. Энгельс также призывали правительства мировых держав к превращению «локальной» Крымской войны в мировую или «войну национальностей», направленную против России. Естественно их пристальное внимание было направлено и на регион Кавказа, от жителей которого западные державы ожидали максимального объединения и нанесения удара в спину русской армии. В годы Крымской войны работа

английских и турецких агентов на Кавказе существенно активизировалась, вновь активно зазвучали призывы к «священной войне» против русских во имя создания независимой Черкесии. Летом 1856 года на рейде возле Анапы был замечен английский военный пароход «Страмболо», экипаж которого вел активные переговоры с местными жителями. Получив преимущество на Черном море в 1856 году, Англия активно воспользовалась возможностью безнаказанных поставок оружия, боеприпасов и прочего снаряжения к западному побережью Кавказа. Перебрасывались новые агенты и агитаторы для идеологической работы с горцами. В ноябре того же года Редуткальским передовым карантинно-таможенным постом был досмотрен коммерческий пароход (по военному снаряжению и вооружению больше похожий на военный) «Ронгвер», под командою капитана Мариэти. Подойдя к русским берегам, капитан и штурманы этого судна были заняты составлением планов и промеров глубины рейда, однако когда на борт взошли представители русской погранзаставы, работы были прекращены. По донесениям русских лазутчиков известно, что данный пароход за сентябрь-октябрь 1856 года появлялся в различных местах близ Новороссийска и Анапы, меняя флаги с английского на турецкий, иногда скрывая свое название. Подходя к устью реки Шапсуго с этого парохода было высажено около 50 убыхов и абадзехов, возвращавшихся из Константинополя и имевших прием у самого султана. Примерно в это же время, 26 октября на Сухумкальский рейд прибыл другой английский коммерческий пароход «Кэнгору», следовавший из Вардане в Трепезунд. С этого корабля были высажены на берег Магомет-Амин, возведенный турецким султаном в звание паши, и 80 горцев, бывших вместе с ним в Константинополе[10]. В поставках оружия и боеприпасов на Кавказ принимал участие и великий визирь Османской империи Решид-паша, действовавший совместно с английским посланник в Турции лордом Редклифом. Наказной атаман Черноморского казачьего войска, генерал-майор Г.И. Филипсон, отмечал в своем донесении, что «*снабжение горцев оружием и всеми военными средствами, доступными только современной европейской образованности, приняло вид системы, в которой главными двигателями [выступают] не частные лица...*»[11]. Пользуясь благоприятным положением на Черном море англичане развернули активную торговлю с горцами, достигая не только политические цели, но и получая от этого приличные суммы денег. Наместник на Кавказе генерал А.И. Барятинский в конце 1856 года составил обширную записку, в которой информировал министра иностранных дел А.М. Горчакова о частом появлении у кавказского побережья английских пароходов. В этом документе было собрано множество фактов о провокационных действиях англичан в среде горцев. Подводя итог,

князь А.И. Барятинский писал, что «*Военные и коммерческие пароходы иностранных наций довольно часто стали появляться на восточном берегу Черного моря, перевозят торговцев и имеют с ними на берегу деловые контакты, для нас особенно вредные в том отношении, что появление их и отсутствие нашего флота поддерживает в горцах уверенность в содействии им против нас Турции и Англии и предают слова Сафар-бея и подобных ему возмутителей, уверяющих горцев, что они подданные турецкого султана и должны во всем повиноваться постановлениям их властей*»[12]. Английские промышленники и торговые представители видели в территории Кавказа и Закавказья удобный и выгодный рынок сбыта своих товаров, а, следовательно, активно лоббировали идеи отторжения этих территорий от России. К этому же мнению склонялась и Австрия, которая также не желала усиления России на Кавказе. И Крымская война воспринималась западными державами как прекрасный и уникальный шанс достигнуть своих давних целей.

Готовясь к новой кампании 1855 года на Кавказе, союзники продолжали надеяться на соединение с Шамилем и совместные действия с ним, однако их надеждам не суждено было оправдаться. Боевой запал горцев стал резко сходить на нет. С одной стороны народы Кавказа устали от затянувшейся войны, по словам Н.А. Добролюбова, они «готовы были при всякой возможности оставить» имама Шамиля[13]. С другой стороны, возрастало разочарование в пустых обещаниях западных эмиссаров, за которыми кроме слов ничего не стояло. Горцы стали убеждаться, что они являются всего лишь марионетками большой игры западных держав. Чувство недоверия к западным агентам все больше распространялось среди кавказцев. В августе 1855 года от русских агентов на Кавказе было получено сообщение, что Шамиль «не одобряет» союз Османской империи с западными державами. Видя пассивность горцев в этой войне, менялось и отношение к ним в английском правительстве. Английский посол в Константинополе лорд Редклиф писал: «*Мне кажется, что Шамиль – это фанатик и варвар, с которым не только нам, но даже и Порте трудно будет установить какие-либо достойные уважения отношения. Его наиб в Черкесии – такой же*»[14].

Находясь в тяжелом положении, имам Шамиль вновь обратился за помощью к иностранным государствам. Французскому послу в Константинополе он писал: «*В настоящее время мы все еще воюем…, употребляя все наши силы… несмотря, что враг превышает нас численностью во много раз… Теперь все русские силы сосредоточены против нас… Они уже взяли несколько селений и построили там крепости. Умные, равно как и почетные лица страны просили меня обратиться к державам с ходатайством, чтобы во имя человечности они положили конец… Вот почему я прибегаю к содействию Вашего превосходительства и прошу представить е. и. в. настоящее ходатайство в надежде получить скорую помощь, которая поможет нам отбросить неприятеля; мы находимся на исходе наших сил*»[15]. Но западные

партнеры оставили письма имама и его просьбы без внимания. Достигнув своих целей в Крымской войне, Шамиль оказался не нужен Западу. В 1857 году отряд генерала Н.Н. Евдокимова выбил имама Шамиля из Чечни, а в апреле 1859 года была штурмом взята новая резиденция имама – село Ведено. После ряда поражений в сентябре 1859 года Шамиль сдался князю А.И. Барятинскому и был сослан в почетную ссылку в Калужскую губернию.

> *Во время ведения мирных переговоров в 1856 году Великобритания полагала, что существенно ослабленная Россия легко пойдет на поводу европейской дипломатии. Поэтому западная дипломатия намеревалась окончательно решить кавказский вопросов в свою пользу и вытеснить русских из этого региона. Однако когда в Париже начались переговоры, между европейскими союзниками сразу же обозначились серьезные разногласия по вопросам будущего устройства Кавказа.*

Так, если Англия настаивала на создании независимого государства «Черкесия» под своим протекторатом, то французское правительство выступало против этого. Французы были согласны на территориальное отделение Черкесии от России, предоставления ей суверенитета, но были категорически против усиления англичан в этом регионе. Переговоры зашли в тупик, в результате чего, Франция поддержала на мирных переговорах Россию. Идея создания «независимого государства Черкесия» не была поддержана и другими союзниками по коалиции. В результате в тексте Парижского договора Северный Кавказ не был упомянут вообще и следовательно признавался мировым сообществом как зона влияния России. Что бы красиво выйти из сложившейся ситуации, англичане объяснили, что именно так оно и должно было быть. Потому что горцы во время войны не обозначили своего четкого желания примкнуть к союзникам и активно воевать с русскими[16]. Хотя некоторые представители английского парламента активно протестовали против ратификации Парижского мира, настаивая на продолжении войны, так как северокавказские проблемы не были решены в пользу Англии.

Тяжелые последствия Крымской войны, потеря Черноморского флота, существенно ослабили позиции России на Кавказе. В соответствии с условиями Парижского мирного договора все черноморские порты объявлялись открытыми для торговли и быстро были наводнены иностранными торговыми судами, в первую очередь турецкими и английским. За неимением нужного количества военных судов Россия потеряла возможность постоянного крейсирования восточного черноморского побережья, которое проводилось последние двадцать лет. В результате контрабанда оружия на Кавказ хлынула с новой силой и в

большом объеме, возобновилась и работорговля. В повестке русско-английских отношений несколько раз ставился вопрос об участии английских торговых судов в перевозке рабов с территории Кавказа. Если на территории Чечни и Дагестана к концу 1850-х годов военные действия в основном закончились, то на территории западного Кавказа, где традиционно влияние иностранных агентов было сильно, вооруженная борьба с русской армией еще продолжалась.

Литература:

1. Бадерхан Ф. Причины массовой эмиграции кавказских горцев в Турцию в 60-х годах XIX века. URL: https://zen.yandex.ru/media/adygiru/f-baderhan-prichiny-massovoi-emigracii-kavkazskih-gorcev-v-turciiu-v-60h-godah-xix-veka-5bc9... (дата обращения 20.11.2020 г.).
2. Васильев М.В. Борьба за Кавказ. Часть I. Начало конфликта // Архонт. 2020. № 3. С. 64 – 76.
3. Васильев М.В. Большая игра. Уроки геополитики. СПб., 2019.
4. Васильев М.В. Борьба за Кавказ. Часть II. Противостояние 1830-х годов // Архонт. 2020. № 4. С. 4 – 19.
5. Васильев М.В. Геополитика Российской империи XIX – начала XX веков. М., 2020.
6. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998.
7. История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917). М., 1988.
8. Казиев Ш.М. Имам Шамиль. М., 2001.
9. Муравьев Н.Н. Война за Кавказ в 1855 г. Т. 2. 1877.
10. Мухаммад Тахир Ал-Карахи. Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М., 1941.
11. Нарочницкая Н.А. Кавказские войны – средство геополитики. URL: https://pravoslavie.ru/5114.html (дата обращения 20.11.2020 г.).
12. Улунян А.А. Дэвид Уркарт, «The Portfolio» и начало конца тайной дипломатии Санкт-Петербурга. Секретные дипломатические документы Российской империи в британской печати (1835–1837 гг.) // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати: (сборник статей по материалам научной конференции "Третьи Никитинские чтения", 3 декабря 2013 г., Москва). М., 2014.

13. Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2005.
14. Федосеева Л.Д. Интересы России и Турции на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. № 1. С. 61 – 69.
15. Чеучева А.К. Основные направления внешней политики Великобритании на Северо-Западном Кавказе в 50-60-х гг. XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 2. С. 33 – 44.
16. Чеучева А.К. Северо-Западный Кавказ в политике Великобритании и Османской империи в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX вв. Майкоп, 2007.
17. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документов и материалов. Тбилиси, 1953.
18. Шамиль в Париже и Шамиль поближе // Кавказ. 1854. № 95.

[1] *Улунян А.А.* Дэвид Уркарт, «The Portfolio» и начало конца тайной дипломатии Санкт-Петербурга. Секретные дипломатические документы Российской империи в британской печати (1835–1837 гг.) // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати: (сборник статей по материалам научной конференции "Третьи Никитинские чтения", 3 декабря 2013 г., Москва). М., 2014. С. 58 – 90.
[2] *Мухаммад Тахир Ал-Карахи*. Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М., 1941.
[3] *Муравьев Н.Н.* Война за Кавказ в 1855 г. Т. 2. 1877. С. 372.
[4] *Казиев Ш.М.* Имам Шамиль. М., 2001.
[5] *Фадеев Р.А.* Кавказская война. М., 2005.
[6] Шамиль в Париже и Шамиль поближе // Кавказ. 1854. № 95.
[7] Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документов и материалов. Тбилиси, 1953.
[8] *Гаммер М.* Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.:, 1998. С. 367.
[9] *Чеучева А.К.* Основные направления внешней политики Великобритании на Северо-Западном Кавказе в 50-60-х гг. XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия,

история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 2. С.33 - 44.
[10] Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документов и материалов. Тбилиси, 1953. С. 462.
[11] *Федосеева Л.Д.* Интересы России и Турции на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. № 1. С. 61 – 69.
[12] *Бадерхан Ф.* Причины массовой эмиграции кавказских горцев в Турцию в 60-х годах XIX века. URL: https://zen.yandex.ru/media/adygiru/f-baderhan-prichiny-massovoi-emigracii-kavkazskih-gorcev-v-turciiu-v-60h-godah-xix-veka-5bc9... (дата обращения 27.05.2020 г.).
[13] История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917). М., 1988.
[14] *Нарочницкая Н.А.* Кавказские войны – средство геополитики. URL: https://pravoslavie.ru/5114.html (дата обращения 20.05.2020 г.).
[15] История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917). М., 1988.
[16] *Чеучева А.К.* Северо-Западный Кавказ в политике Великобритании и Османской империи в последней четверти XVIII - 60-х гг. XIX вв. Майкоп, 2007.

БОРЬБА ЗА КАВКАЗ. ЧАСТЬ IV. ПРОТИВОСТОЯНИЕ 1860-Х ГОДОВ

Twitter VK Odnoklassniki Blogger LiveJournal Email Print Share

28.04.2021
Россия

Максим Васильев

В статье раскрываются различные аспекты геополитического противостояния Российской империи и ведущих европейских держав в борьбе за Кавказ. Автор показывает как Великобритания, Турция и Франция стремились взять под свой контроль этот горный район в XIX веке, какие механизмы и уловки использовали наши конкуренты на Кавказе и как горцы становились заложниками большой геополитической игры. На конкретных исторических примерах показана технология «управляемого хаоса», которую использовал Запад для сдерживания и противодействия России. Статья продолжает цикл исследований автора по изучению технологий политической дестабилизации общества.

Противостояние Запада и Росси на Кавказе во второй половине XIX века было тесно связано с рядом важных политических событий, происходящих далеко от этого горного региона. Проследим цепочку интересных взаимосвязей. В 1861 году на Северо-Западном Кавказе был учрежден национальный орган управления – меджлис, получивший название «Великое свободное собрание». Данная организация по своему назначению выполняла функции парламента, провозглашала административно-территориальную целостность Кавказа и призывала к консолидации горцев в борьбе против русских. При нем были учреждены суды, молельные и кунацкие. Примечательно, что в отличие от всех предыдущих национальных организаций горцев, данный меджлис

заявлял о готовности выступить в роли субъекта в международно-правовых отношениях. Всячески позиционировалась просвещенность и цивилизованность горцев, что должно было расположить Западные державы и вступить в официальные дипломатические отношения с этим квазигосударственным образованием[1]. Бесспорно, идея создания подобного органа власти на Кавказе принадлежит не горцам, а их европейским кураторам. В начале 1860-е годы агенты западных держав решили разыграть очередную комбинацию по территориальному отторжению Кавказа от Росси и для этого было необходимо наличие некой политической организации в регионе. Помимо объявления мобилизации абхазов и призыва к «священной войне» меджлис постановил командировать посольства в Константинополь, Париж и Лондон с просьбой о поддержки всемерной борьбы против русских. Более того русскому командованию на Кавказе были направлены предложения о выработки совместных политических отношений, которые исключали всяческое вмешательство России в дела Кавказа. На этом примере мы видим, как искусственно создавалась организация, позиционирующая себя в качестве руководства суверенного государства. И действия данной самопровозглашенной организации достаточно организованы, точны и выверены с точки зрения международного права. И это при том, что до 1860-х годов разрозненные племена Западного Кавказа десятилетиями не могли договориться друг с другом даже о совместных военных действиях. Вспомнить лишь их отказ сотрудничать с войском имама Шамиля.

В следующем 1862 году в Париже, Лондоне и ряде других столичных городов Европы объявился никому неизвестный представитель меджлиса Измаил-Баракай-Ина-Дзиаш, назвавшийся представителем всей «Черкессии». С самого начала этот человек присвоил себе исключительную роль дипломата и право говорить с Европой от лица всех горцев. Примечательно, что деятельность депутации горцев активно сопровождалась и курировалась польскими эмигрантами, в том числе и Т. Лапинским[2]. От лица всех кавказских народов эта депутация обратилась к английской королеве с готовностью «вступить в семью конституционных наций». Результатом встреч черкеско-полького коллектива с европейскими политиками стало появление так называемых «черкесских комитетов». Понимая, что вся история с кавказкой государственностью и депутацией являлась хорошо организованным сценарием большой геополитической игры Запада, не стоит удивляться, что западные державы проявили максимум благосклонности к сомнительной с точки зрения международного права организации. По возвращению на Кавказ Измаил-Баракай-Ина-Дзиаш заявил, что «Европа расположена оказывать нам помощь» и успешно воздействовал на воображение горцев

различными грамотами с множеством печатей и ссылкой на имена известных деятелей европейских держав. Скорее всего, члены черкесского меджлиса, подстрекаемые западными агентами, искренне верили в поддержку их дела Западом и даже не догадывались, что являются лишь винтиком большой игры. Тем более что их западные кураторы оказывали всяческие знаки внимания и одобрения, не скупясь на традиционные обещания. Сразу же по прибытию неизвестной депутации с Кавказа, в Лондоне прошли многолюдные митинги в поддержку Черкесии. Газеты традиционно осветили это событие в ярких русофобских тонах. Разворачивалась очередная крупная геополитическая комбинация. При «черкесском комитете» в Стамбуле был организован Верховный национальный совет, взявший на себя координацию всей борьбы горцев Северо-Западного Кавказа. С 1862 года туда перебрались основные лидеры адыгского меджлиса, после того, как русские войска разгромили на Кавказе этот центр сопротивления[3]. «Черкесские комитеты» в Англии и Турции были тесно связаны с парижским центром польской дворянско-монархической эмиграции, но курировались в основном английскими офицерами. Так, например, комитетом в Стамбуле руководил английский полковник Джордан. Именно турецкая столица, в силу территориальной близости к Кавказу стала основным отправным пунктом снабжения горцев оружием и боеприпасами в эти годы. Русский посланник в донесении к наместнику на Кавказе писал, что Стамбул *«...составляет сборное место недоброжелательных нам старейшин непокорных горских племен, а также складочный пункт оружия, военных припасов и других принадлежностей, назначаемых врагами нашими к отправлению к кавказским берегам Черного моря. Здесь, под влиянием происков польских эмигрантов, кавказский вопрос все более и более привлекает к себе общественное внимание Европы и становится орудием враждебной политической пропаганды»*[4].

Члены «черкесского комитета» в Лондоне разработали несколько проектов поддержки горцев. Предлагалось либо выслать торговый флот Англии, чтобы продемонстрировать её права на свободную торговлю с Черкесией, либо выслать боевые корабли под «черкесским флагом» к берегам Кавказа. Третий план предусматривал традиционные поставки оружия для горцев и отправку на Кавказ отрядов легионеров, в основном состоящий из польских фанатиков. В Лондоне осторожно остановились на последнем варианте проекта. Английское судно «Чезапик» с оружием и польскими легионерами прибыло в Стамбул, а затем направилось к черкесскому побережью. Первоначально лидерам местных горцев обещали целую армию, которая естественно так и не появилась. Более того, часть привезенного оружия и боеприпасов поляки использовали для себя. Непосредственное участие в организации этой экспедиции принимали французские и английские посольства в Стамбуле и

консульства в Трапезунде, где был образован очередной «черкесский комитет». Доставкой оружия и высадкой десанта на черкесское побережье должен был руководить французский капитан Маньян.

Грамотная работа с народами Западного Кавказа принесла свои плоды. Многие черкесы поверили в готовность и желание иностранных держав оказать помощь в борьбе против России. Всего за полгода им удалось собрать на Кавказе ополчение в составе 4 тысяч человек и к 1863 году выступить против русских войск. Поддержку им оказали переброшеные отряды польских добровольцев, которые будут активно сражаться в горных ущельях вплоть до завершения Кавказской войны. Если мы посмотрим на дату активного восстания горцев – 1863 год и вспомним, что именно в этом году в Польше произошло очередное вооруженное восстание, выстраивается логика и последовательность действий Великобритании. В очередной раз разыгрывался классический сценарий «управляемого хаоса» одновременно вспыхивающего в разных уголках России. Однако, как и в 1830-е годы Западу не удалось достигнуть территориального расчленения России. Польское восстание, как и сопротивление черкесов, были быстро подавлены русскими войсками. Сразу же после этого, интерес Запада к делам и проблемам Черкесии моментально исчез. Народы Кавказа в очередной раз сыграли свою роль в интересах Запада после чего были просто не нужны. В этом случае очень показателен тот факт, что сразу же после подавления польского восстания, черкесские «депутаты» были отправлены из Лондона обратно домой, получив от британской казны лишь денежное пособие на обратный путь[5]. К середине 1860-х годов Англия, как и прочие западные державы, была вынуждена де-факто признать Кавказ зоной влиянии Российской империи. 1864 год в России провозглашался официальной датой завершения Кавказской войны, хотя сама его территория по-прежнему оставалась зоной постоянного социального напряжения, а значит не уходила с поля зрения наших «западных партнеров».

С начала 1860-х годов начинается массовое переселение горцев с территории Кавказа на равнинные земли Кубани. А на освобожденных территориях активно создавались казачьи поселения. Всего с 1861 по 1865 год на Северо-Западном Кавказе появилась 81 новая станица, в которых проживало 3 405 казачьих семей. Следом за казаками на пригодные для сельского хозяйства земли Северного Кавказа направились переселенцы не только русские крестьяне из глубинки, но также греки и армяне, покинувшие Турцию, немцы из Южной Германии и другие колонисты[6]. Существенно активизировались процессы социальной миграции. Ко всем бывшим крепостным, ранее бежавшим в горы, и бывшим военнопленным было обращено воззвание с

призывом возвращаться в расположение русских войск с гарантией дарования им свободы и благоприятного размещения вдали от Кавказа. Русские войска, численно усилившиеся на Кавказе, смогли практически полностью зажать в кольцо последние очаги сопротивления черкесов, перекрыв им каналы поставок необходимого. Все эти меры были осуществлены с целью окончательного прекращения вооруженного сопротивления и стабилизации жизни на Кавказе. Русское правительство стремилось лишить черкесов естественных убежищ в горах, оторвать их от радикальных исламских проповедников и западных провокаторов и поставить местные народы под контроль царской администрации. В сентябре 1861 года на Кавказ прибыл император Александр II, который провел встречу со старейшинами и уважаемыми людьми от горских племен. Были на этой встрече и представители от черкесского меджлиса. В беседе с горцами русский император предложил сделать выбор, либо переселяться в равнинные земли, либо покинуть территорию России. Князь Мамат-Гирей Лоов в последствии цитировал государя, который сказал: «*Я хочу, чтобы ваши народы сохранились, чтобы они не бросали родных мест, чтобы они согласились жить с нами в дружбе и мире. Вы должны признать подданство русского царя. Уже ясно виден конец: Кавказ будет русским. Если вы прекратите губительную войну, ваш народ сохранится и вам легче будет жить. Если мои условия будут вами отвергнуты, буду, принужден приказать своим генералам закончить войну в ближайшие годы, но это принесет вам неисчислимые беды и истребление народа. Я даю месячный срок – абадзехи должны решить: желают ли они переселиться на места указанные им на Кубани или же переселится в Турцию*»[7]. После этого началась массовая миграция жителей с Кавказа в соседние исламские государства, в основном Турцию, так как большинство не пожелало мирно жить на равнинных территориях, соседствуя с русскими. Только одна четверть всех черкесов согласилась остаться в Российской империи. По оценкам генерала Р.А. Фадеева, во время основного потока миграции в 1864 году в Турцию переселились 211 тысяч черкесов, а в 1865 году ещё 40 тысяч человек. По данным некоторых современных историков этот показатель составляет существенно большие цифры. Данный миграционный процесс приобретал для многих горцев сакральный характер с ярко выраженным религиозным подтекстом и получил название махаджирство.

Массовое переселение жителей Кавказа на территорию Турции не могло пройти мимо англичан, которые мастерски использовали в своих интересах любое социальное напряжение, стремясь извлечь из него различные выгоды. Махаджирство не стало исключением. Как только с западного побережья Кавказа двинулись массы переселенцев, Англия официально заявила о необходимости всемерной поддержки несчастных и страждущих черкесов.

Британский посол в Стамбуле заявил: «*Мы потеряли Черкесию, и если осталось кого спасать, то это самих черкесов*»[8]. Английские представители настоятельно рекомендовали турецким властям не только не препятствовать переселенцам, но и оказывать им различную помощь. Так, предлагалось расселить мигрантов среди турецких семей с расчетом одну семью горцев на четыре турецких, что неминуемо приводило к разобщению диаспоры и быстрой потери ею своей национальной идентичности. Также, англичане настоятельно рекомендовали основную массу переселенцев размещать недалеко от русских границ, создавая своеобразный защитный заслон, который можно было бы использовать в будущих военных конфликтах с русскими. Не забыли западные консультанты и о своих, сугубо экономических интересах. Так, черкесских переселенцев предлагалось разместить по линии Трапезунд – Эрзерум, где планировалось строительство железной дороги. Дешевая или практически бесплатная рабочая сила черкесов как раз пригодилась бы для сложных строительных работ. О торговых интересах англичан в этом регионе говорилось ранее. Как мы видим, вчерашние защитники интересов горских народов десятилетиями нагнетавшие русофобию в европейской прессе, спокойно восприняли махаджирство горцев. Ни протестов против бесчеловечности, ни критики происходящего в 1860-е годы мы не наблюдаем. Это связано с тем, что массовая эмиграция народов Кавказа полностью соответствовала интересам англосаксов, а, следовательно, все разговоры о трагедии человеческих судеб, либеральных ценностях и гуманизме, сразу же уходили на второй план и теряли свою актуальность. Английский посол в России лорд Ф. Нейпир в отчете Расселу писал, что *«...если турецкое правительство, с одной стороны, и понесло значительные расходы, то с другой – приобрело существенное пополнение мусульманского населения империи, которое будет иметь значительную ценность для турецкой армии»*[9]. Турция по-прежнему рассматривалась англичанами в роли сдерживающего фактора против России.

Подчиняясь воле своих западных кураторов и видя реальные выгоды для себя, турецкое правительство развернуло активную агитацию и пропаганду среди горцев за переселение в Турцию. На Кавказ направлялось большое количество турецких агентов, которые в виде религиозных воззваний обращались к черкесам. «Нельзя жить в иноверном государстве и подчиняться неверному правительству – или погибнем в борьбе, или переселимся в мусульманскую страну»; «Переселение – наша судьба. Если это угодно Аллаху, наш долг принять его»; «Кто умирает в иноверном государстве, тот попадает в ад»; «Переселимся в мусульманское государство, соберемся с силами, вернемся на родину и отвоюем её»[10]. Это лишь некоторые лозунги,

звучавшие на Кавказе того времени. Турция представлялась в сознании черкесов в качестве рая, куда необходимо переселяться от гнета русских властей. В тоже время ряд других агентов распространили следующий призыв, написанный по-арабски. В нем говорилось: «*Мусульмане! Если вы желаете опустошить ваши земли, то переселяйтесь в Турцию; если желаете быть покорными неверным, переселяйтесь к ним (то есть русским – М.В.). Но если не желаете ни того, ни другого, то подождите. Мы прибудем к вам скоро, если будет угодно Богу. Уже решено: 1) чтобы русские держались в прежних границах и оставили бы черкесам занятые ими места; 2) чтобы черкесы вошли в состав подданных турецкой державы; 3) чтобы все державы были врагами русских. Если русские будут идти к вам с войском, то удаляйтесь от них далее в ущелья и на вершины гор. Клянемся, что ваша земля останется вам*»[11]. В рапортах русских офицеров неоднократно отмечалось о проникновении иностранцев, призывающих к продолжению антирусской борьбы. Так, в одном из документов отмечалось, что иностранный офицер, сошедший с парохода, участвовал на собрании убыхов, где сообщил, будто он прислан от своего правительства. Убеждал горцев, чтобы *они держались против русских во враждебных отношениях и что в самом непродолжительном времени все горцы, оставившие свои земли, увидят себя на прежних местах, которые им помогут возвратить союзные армии, дав им войско и все необходимое для ведения войны с русскими».* Натухайский народный эфендий после возвращения из Турции обещал скорые поставки оружия и боеприпасов. По его заявлениям турецкий султан уже выделил «для горцев порох, 160 ящиков, который принят им и сложен в Трапезунде и в скором времени будет доставлен в горы»[12]. Таким образом, западная агентура в очередной раз дезинформировала горцев, давая им беспочвенные надежды на поддержку мирового сообщества, в борьбе против русских. Единственной целью этой дезинформации был срыв нормальной процедуры переселения горцев и нарушение планов русских властей на Кавказе. Естественно, такие призывы заставляли наиболее непокорных горцев вновь браться за оружие, уходить в глубокие ущелья и сражаться с русскими войсками, ведя партизанскую войну. Так, в 1866 году в селе Лыхны вспыхнуло крупное восстание черкесов, распространившееся до Сухума. Естественно, что подавление кавказской партизанщины было сопряжено с проявлением ответных жестких мер со стороны русских войск, затем последовало массово разоружение кавказцев. А это спровоцировало новую волну протестного махаджирства в Турцию. Результатом нехитрой информационной пропаганды англичан и турок, провокаторы в очередной раз достигали поставленных задач, не прибегая к особым затратам.

На этом примере можно наглядно доказать, что европейские державы, несмотря на красивые заявления, не оказывали никакой помощи эмигрантам

с Кавказа, более того, своими провокационными действиями лишь усугубляли ситуацию, внося в нее еще больший трагизм. Русский историк А.П. Берже справедливо отмечал, что «*вмешательство турецкой и европейской дипломатии в дела горцев не принесло и не могло принести им ничего кроме зла, так как оно происходило не в интересах их или с какою-нибудь гуманной и нравственной целью, а явилось, как средство загребать жар чужими руками. Горцы и в глазах турок, и в глазах Европы представляли только средство для противодействия России, и в пользовании этим средством ни Европа, ни Турция не обнаружили никакой жалости*»[13].

Когда вся территория Западного Кавказа была взята под контроль русскими силами и основная фаза переселения горцев завершилась, интерес Запада к проблемам эмигрантов резко прекратился. Вопрос о какой либо помощи народам Кавказа в среде европейской общественности уже не обсуждался. Единственное о чем беспокоилось английское правительство, так это о том, что бы не начался обратный отток черкесов в Россию. В целях противодействия реэмиграции уже с 1864 года были опубликованы правила, которые запрещали брать на борт кораблей кавказских эмигрантов, возвращающихся на родину. Западный проект курирования махаджирства горцев Кавказа был завершен. В английское правительство был предоставлен подробный отчет о свершившемся факте крупной миграции населения, материалы были переданы в архив.

Продолжение следует.

Литература:

1. Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. М., 2007.
2. Бэрзэдж Н. Изгнания черкесов (причины и последствия). Майкоп, 1996.
3. Васильев М.В. Борьба за Кавказ. Часть I. Начало конфликта // Архонт. 2020. № 3. С. 64 – 76.
4. Васильев М.В. Большая игра. Уроки геополитики. СПб., 2019.
5. Васильев М.В. Борьба за Кавказ. Часть II. Противостояние 1830-х годов // Архонт. 2020. № 4. С. 4 – 19.
6. Васильев М.В. Борьба за Кавказ. Часть III. Имамат Шамиля // Архонт. 2021. № 1. С. 79 – 89.
7. Васильев М.В. Геополитика Российской империи XIX — начала XX веков. М., 2020.

8. Дамениа О.Н. Абхазия на рубеже веков (опыт понятийного анализа). СПб., 2011.
9. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Изд. 2. Сухуми, 1982.
10. Духовский С.Д. Материалы для описания войны на Западном Кавказе. Даховский отряд на южном склоне гор в 1864 году // Военный сборник. 1864. № 11.
11. История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917). М., 1988.
12. Попов В.В. Император Александр II: «...дело полного завоевания Кавказа близко уже к окончанию» // Военно-исторический журнал. 1995. № 6. С. 71 - 76.
13. Сичкарь А.В. К истории соперничества Российской, Османской и Британской империй за Северный Кавказ // Вестник Владикавказского научного центра. 2006. Т. 6. № 4. С. 23 - 26.
14. Чеучева А.К. Отношение английского правительства к черкесской эмиграции после окончания Кавказской войны // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. №. 2. С. 27 – 29.
15. Чунтыжева Р.В. Сочинский меджлис: опыт общественно-политического творчества адыгов в XIX веке // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. №. 4. С. 15 – 19.
16. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914.

___

1 *Чунтыжева Р.В.* Сочинский меджлис: опыт общественно-политического творчества адыгов в XIX веке // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. №. 4. С. 15 – 19.
2 *Бгажба О.Х., Лакоба С.З.* История Абхазии с древнейших времен до наших дней. М., 2007.
3 *Эсадзе С.* Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914.
4 История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917). М., 1988.

5 *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Изд. 2. Сухуми, 1982. С. 172-173.
6 *Попов В.В.* Император Александр II: «...дело полного завоевания Кавказа близко уже к окончанию» // Военно-исторический журнал. 1995. № 6. С. 71 - 76.
7 *Дамениа О.Н.* Абхазия на рубеже веков (опыт понятийного анализа). СПб., 2011.
8 *Бэрзэдж Н.* Изгнания черкесов (причины и последствия). Майкоп, 1996. С. 64.
9 *Чеучева А.К.* Отношение английского правительства к черкесской эмиграции после окончания Кавказской войны // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. №. 2. С. 27-29
10 *Сичкарь А.В.* К истории соперничества Российской, Османской и Британской империй за Северный Кавказ // Вестник Владикавказского научного центра. 2006. Т. 6. № 4. С. 23 - 26.
11 *Духовский С.Д.* Материалы для описания войны на Западном Кавказе. Даховский отряд на южном склоне гор в 1864 году // Военный сборник. 1864. № 11.
12 Там же.
13 *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. № 1.